

Черная Тишина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Макс Архандеев

Макс Архандеев

Чёрная Тишина

«Автор»

2023

Архандеев М.

Чёрная Тишина / М. Архандеев — «Автор», 2023

Ты слышишь её? Она всегда рядом. За каждым углом. В каждой чашке кофе. В каждом вчера и в каждом шаге секундной стрелки. Ты никогда не сможешь увидеть её, но знай - она наблюдает именно за тобой. Вероника никогда не слышала её. Но после случайной встречи с оборотнем магический мир заключил её в свои объятия. Что бы воспоминания не стерли приходится поступить на службу в ОПР. Теперь в роли полицейского для колдунов, русалок и вампиров, Вероника будет вынуждена распутать клубок из собственных воспоминаний и разобраться почему с обычной, ничем не примечательной девушки, не сводит глаз Чёрная Тишина.

© Архандеев М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Часть II	29
Глава 8	29
Глава 9	34
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Макс Архандеев

Чёрная Тишина

*Всё во Вселенной создаётся и существует благодаря силе.
Мы должны предполагать, что за этой силой стоит сознательный разум,
который является матрицей всякой материи.*

Макс Планк

Часть I

Любовь

Глава 1

Неважно, как сильно я буду пытаться, мне уже никак не вспомнить, чем меня привлекла эта самка. У неё действительно хорошая задница и стройные ноги. Вероятно, я перебрал в том баре у обочины, где она приносила мне пиво, и дал слабину. А может, просто давно не спаривался. Обнаружив себя наутро в её кровати, я глядел на то, как она второпях одевается, и меня заставил нервничать тот факт, что она действительно слишком молода. На вид ей немногим больше двадцати. Хотя для меня любая дама, даже самого почтенного возраста, будет слишком молода. Моя болезнь – ликантропия – замедляет процесс старения, но даже будь я обычным человеком я не выгляжу как тот, с кем захочет спать такая девушка.

Она собирается второпях. Она что-то рассказывает. Ей нужно отвести брата сестры в школу. Что-то о том, что друг у друга остались одни они. Что-то о том, что других родственников нет. Я не слушаю. Мне всё равно.

Перед уходом она улыбается. Целует меня.

Несмотря на то что ночью нам было хорошо, с первыми лучами солнца на меня начало накатывать стыдливое чувство, становящееся с каждой минутой сильнее. Оставшись в её небольшой квартире в одиночестве, я принялся оглядываться в поисках причин, которые могли бы подсказать мне, почему такая молодая, чуть ли не насильно затаскивает в кровать мужика вдвое старше её. Как она думает, вдвое старше.

В квартире ничего лишнего. Старая мебель, одежда, детские книги. Поэтому она и не боится оставить в ней незнакомца – брать попросту нечего. Задержавшись на несколько секунд у фото с оборванным краем на холодильнике, я проигнорировал бегущий по спине холодок и, одевшись, вышел на улицу. На фото она и, наверное, тот самый племянник. Они очень похожи.

Оказавшись под палящими лучами южного солнца, я огляделся в поисках своего байка, которого нигде не было. Я приехал в бар на нём, а вот как очутился здесь не помнил.

Какие-то молодчики в спортивных костюмах подваливают ко мне и начинают меня облаивать. Не понимаю, о чём они говорят. Кажется, их вожак хотел оказаться на моём месте этой ночью. Нет. Он явно уже бывал там раньше.

В носу начинается зуд. Запах дешёвого алкоголя, табака, не стиранная несколько дней одежда, запах женщин и резкая вонь от препаратов, от которых гниёт нутро: от их вожака несёт всем сразу.

Он называет женское имя. Мол, я забрался на их территорию. Я не знаю, как зовут девушку, с которой провёл ночь. Моя память устроена так, что вытесняет лишнее, и через несколько месяцев я не вспомню её, даже если снова окажусь с ней в одной кровати.

Я пытаюсь уйти, но дворняги распускают руки. Толкают. Лают. Говорю себе, что не стоит вмешиваться в чужие проблемы. Я отвечаю им, что от суки не пахло кобелём и в её доме не пахло кобелём, а значит, она свободная. Пока он пытается понять, что я имел в виду, я извиняюсь за то, что спал с его женщиной и говорю ему, что от него тоже не пахнет кобелём.

Его же стая смеётся над ним. Вожак стискивает зубы. Пытается напасть на меня. Извернувшись, по неосторожности, я, не рассчитав силу, ломаю ему руку. Извинившись, я разворачиваюсь к ним спиной и ухожу. Такие безродные дворняги не рискнут напасть со спины. Не потому, что у них есть понятие о чести, а потому, что боятся.

В желудке пусто, но пить не хочется. Чего действительно хочется, так это мяса. Несколько дней нормально не ел. Планировал поохотиться сегодня ночью, но всё сложилось иначе.

Вообще, я не очень люблю сырое мясо, но бывают такие луны, что только о нём и думаешь. Сейчас на юге почему-то туго с добычей. У нас в лесах только зайди подальше – и ветер переполняет ароматы добычи. Выследить просто. Бери сколько хочешь. Сложнее выбрать. Я предпочитаю убивать быстро. Это поступок достойный того, кто охотится ради еды, а не ради удовольствия.

Хм. Кажется, сегодня ночью я оказался в роли добычи. За последние десятилетия секс, как его теперь называют, перестал представлять интерес. Но сегодня ночью что-то пошло не так. Кто эта девушка, и почему я всё ещё думаю о ней?

Я встречаю дальнбойщика. Спрашиваю, где бар у обочины. Описываю его как могу. Чаще запахи, конечно, но он всё равно понимает меня, ведь во всей округе только один такой, и указывает направление. Говорит, что скоро поедет туда и сможет подбросить меня. Я пойду пешком. Он говорит, что идти далеко и вроде видел, как туда ходят автобусы.

Иду пешком. Раньше все ходили пешком, а скотину запрягали, только если нужно было перевезти груз. Они не могут этого помнить. Я и сам с трудом помню. Всё было так давно, что кажется, это была чья-то другая жизнь.

Вообще-то, я не очень стар, по нашим меркам. Говорят, в Москве есть ликантропы намного старше. Они едят отборное мясо, принимают специальные таблетки и прочие полезные для здоровья вещи. Интересно, они помнят себя? Молодых себя. Или их жизнь превратилась в сплошной сон, где нет ни вчера, ни завтра, а сплошное сейчас.

Ещё вспомнил, как один домовой рассказывал мне, что есть какая-то болезнь у стариков, когда они не понимают, что с ними происходит. Раньше просто говорили: “он старый”, “он умом тронулся”. А сейчас нет. Для всего есть название. На всё навешена бирка. Интересно, болеют ли ликантропы этой болезнью?

Вообще не помню, когда был у врача. Конечно, обычно всё само заживает. Раньше вообще почти на глазах, а сейчас...

Страшно. Это раньше можно было зайти к любому ветеринару, а сейчас все эти больницы. Не дай бог возьмут кровь на анализ или ещё чего.

Вот и бар. Вот и байк. Солнце в зените. Денег нет, но есть немного бензина. Достаточно отъехать подальше от людей, а ночью вдоволь поохочусь. Шкуры продам за бесценок каким-нибудь охотникам или браконьерам. Так и живу.

Стою у байка и снова думаю о молодой. Почему-то стыдно за то, что называл её сукой. Стыдно не перед теми щенками, а перед собой. Даже когда про себя так думаю о ней. Запала она мне. Беспокоюсь о ней. Переживаю. Она вроде девка неплохая. Зачем живёт в такой дыре?

Зачем-то иду в бар. Бар закрыт. Выходной? Слышу шорох внутри. Да. Пахнет этой су... Этой девушкой. Прямо отсюда чую, как пахнет её промежность. А ещё чую молодчика, которому сломал руку. Запах больницы и свежего гипса. Кучу его дружков. И страх.

Обхожу бар. С трудом перелажу через открытое окно. Сразу слышу их. Тот молодчик со сломанной рукой продолжает кричать. Что с ним такое? Лает на всех, как бешеный пёс, а кусает только сук.

Опять назвал её сукой. Она же человек. Это ты старая дворняга, а она женщина.

Уже подкрался достаточно близко. Могу внезапно напасть, и пока они будут понимать, что к чему, порешить их всех. Но на что мне это? Девушка ни в чём не виновата. Если просто уеду, он рано или поздно забудёт её или того хуже – снова сделает своей. Своей не телом, а душой. Убедит её, что она его и ей лучше, чем он не найти. И всё тогда. Считай, что мертва. Может, это и не моё дело, но пройти мимо я не могу. Не хочу. Выпрямляюсь и выхожу к ним.

Запах страха усиливается и меняет направление. Они начинают бездумно лаять. От девушки тоже завяло страхом ещё сильнее. Только не так, как он шавок. По-другому. За меня переживает?

Я пытаюсь с ними поговорить. Они ничего не слышат. Не могут услышать. Верно, уж так они устроены. Несколько из них достают пистолеты, другие свои малюсенькие ножики и тычут ими в меня.

Смотрю на девушку. Красивая. Жалко мне её. От слез её больно.

Вожак со сломанной рукой несколько раз бьёт меня по лицу. Молодец. Смелый. Надо поставить меня на место при своих, пока его уважают. Я всё ещё не решил, что делать. Спрашиваю у девушки, чего она хочет. Спрашиваю, не хочет ли она, чтобы я их всех убил?

Дворняги смеются. Говорят, что они молодые и их много. Говорят, сейчас убьют меня. Вожак командует, чтобы меня схватили.

Они хватают меня. Потом он хватает девушку. Он угрожает ей пистолетом. Говорит встать раком. Ему кажется, что будет весело иметь её, если я буду смотреть.

Я снова задаю свой вопрос девушке. Говорю, чтобы она обо мне не беспокоилась. Объясняю, что я старый и меня никто искать не будет.

Дворняги бьют меня по лицу. Краем глаза вижу, как она сквозь слёзы кивает. Три раза. Простое согласие. Мне большего и не надо.

Я вырываюсь. Одному ломаю челюсть. Второму нос. Другие начинают стрелять по мне. Пули проходят сквозь тело, но ни одна не попадает в голову. Это хорошо, что они даже стрелять не умеют. Я падаю и умираю.

Сколько раз я умирал? Не так много. Больше десяти, но точно меньше пятнадцати. Кажется. И то большую часть было на войне. Некоторые из наших любят соревноваться “кто больше”. Говорят, некоторые сильно удачливые и за сотню переваливают. А я никогда не понимал зачем.

Когда прихожу в себя понимаю, что уже начал превращаться. Раньше хватало пары секунд, а сейчас... В последний раз, на охоте, даже не везде шерстью покрылся, и морда до конца так и не вытянулась.

Вот теперь действительно пахнет страхом. Вот теперь они действительно кричат. Они стреляют по мне. Мимолётом вижу молодую девушку. Ей почему-то больше не страшно. Сидит и смотрит, как я разрываю людей на куски. Наверное, умом тронулась, от того и не боится уже ничего. Ну, наверное, лучше уж так, чем жить, как в клетке.

Слышу шум за спиной. Один, тот который со сломанной челюстью, успевает вылезти в окно.

Вообще, я не ем людей. И среди наших это вроде как не в почёте. Всё равно, что падалью питаться. Но вот сейчас бегу за ним по лесу, он пытается кричать что-то сквозь болтающуюся челюсть, у меня во рту вкус крови, а в желудке пусто. Невольно начинаешь задумываться “а почему нет?”.

Когда превращаешься в зверя и думать начинаешь, как зверь, только вот ты этого не понимаешь, потому что ты уже зверь. А как станешь человеком, вот тогда принимаешься корить себя и причитать, что ты поступил как животное.

Догоняю его. Сдерживаюсь.

Сегодня ночью буду охотиться. Сегодня ночью поем.

Хватаю его за горло и медленно поднимаю над землей, а сам, что есть сил сжимаю пасть, не дай бог отхватить хоть кусочек – тогда точно не сдержаться.

Он плачет. Умоляет. Я зачем-то медлю. Спрашиваю у него, сквозь зубы, зачем он в лес побежал. Это зверь во мне медлит. Оттягивает время. Принюхивается. Хочет крови. Нужно убить быстро и всё.

Человек не слышит. Дрожит. Обоссался. Безвольно висит в моих лапах. Даже на добычу не тянет. Вдруг противно стало. Не так противно, как утром, когда понял, что спал с молодой, а противно как будто думал о ком-то хорошо, а потом оказывается, что человек этот последний подлец.

Сворачиваю ему шею и ухожу. Пока возвращаюсь в бар превращаюсь обратно.

Думаю, что делать. Девка, наверное, совсем тронулась, когда на всё это смотрела. Зря всё было. Зря людей погубил. У нас ничего такого в этом нет, если ты защищаешься или там на войне. Но тут-то я сам сглупил – полез на рожон. Теперь наши дознаватели меня искать будут. Поймают – осудят. Как пить дать осудят. Им всё равно, что шавки по мне первые стрелять начали. А скрываться от дознавателей уж и сил не хватит. У них-то на службе волчары молодые, горячие, до заслуг жадные. А я-то уж своё давно отбегал.

Когда подхожу к бару вижу, что один из мертвяков на улице лежит, аккуратненько так, а за ним след из крови внутрь тянется. Захожу в бар, а там девка уже второго на улицу тащит.

Я пытаюсь говорить с ней. Она вздрагивает. Ей снова страшно. Она молчит и слушает. Говорю ей бросить тело и бежать отсюда. Говорю, чтобы одежду сожгла, а сама пусть перекисью обтирается хорошо. Она кивает, мол, поняла, а сама бросает мертвяка на улице и идёт обратно. За следующим.

Только сейчас понимаю, что наши, когда приедут и точно будут у неё дознаваться. Говорю ей чтобы апельсины нашла или ещё лучше какую махорку там и растёрла ими себя, чтоб запах отбить. В церковь пусть ходит и воды освящённой возьмёт – волшебство моё грязное смыть с себя. Она кивает, мол, поняла. Кивает и тащит ещё одного мертвяка на улицу.

Понимаю, что понравилось в ней. Слушает она и понять тужится. Ума, может, и немного, но старается изо всех сил. И уверенная в себе. Такая до самого конца будет верить, что сможет всё. Точно не как эти. Родилась разве что без клыков, а по характеру настоящий охотник.

Когда вытаскивает четвёртого, ругает меня, что стою как вкопанный. Говорит, чтобы я их в лес отнёс и там схоронил. Да так, чтобы вовек никто не нашёл.

Хороша девка. Мало того, что рассудок сохранила, так ещё и рассуждает здраво. Только вот не знает она ничего ни про нас, ни про мир, в котором мы живём, ни про наших дознавателей.

Стою я весь в крови и думаю: “А чем чёрт не шутит?” Меня поймают – на плаху, а её... Как только рот откроет, что волка ростом с человека видела, в палатах закроют или нашим отдадут – память стирать. Глядишь дознаватель не сильно злой попадётся или подмажем ему чем, а он глаза и прикроет немного. Мы же защищались. Пусть не от смерти, но от жизни что хуже смерти.

Смотрю в её глаза. Голодный, хоть сейчас мертвяку в живот вгрызайся. А она тоже смотрит на меня своими глазами. Зелёными-зелёными. Лицо всё заплаканное. Но смотрит так, что аж дух захватывает. А взгляд её так и говорит, мол, ты мне помог, и я тебя выручу.

И тут я, дубина стоеросовая, пасть открываю и спрашиваю:

– Тебя как зовут?

Она как вlepит мне пощёчину. У меня аж яйца сжались. Ну я молча схватил мертвяков и потащил в лес.

Глава 2

Что есть сил сжимаю челюсти от боли, но едва царапаю свиную голень, оставшуюся от своего обеда. Обычно я бы такую легко раскусил пополам, но не сейчас... Святая вода жжёт кожу, как кислота. Только не разъедает её и следов никаких не оставляет, а само естество моё волшебное жжёт.

Вероника старается как можно быстрее, но из-за того, что воды осталось совсем немного, вынуждена разбрызгивать на меня остатки из последней освященной полторашки.

Сама-то она уже обмылась и смыла все запахи. Кровью от неё точно не пахнет, а вот мной... Говорят к своему запаху привыкаешь и не замечаешь его, а я вот чую от неё свой запах. Такое долго выветривается. Слышно еле-еле и то потому, что запах мне знаком. Если среди дознавателей не будет никого с таким же острым нюхом, то её со мной никак не свяжут.

Когда она заканчивает, у меня уж и сил почти не остаётся. Руки ватные. Голова как свинцом налилась. Тело болит и крутит, как тогда под Свердловском. Чуть не помер тогда от язвы какой-то. Говорят, был бы человеком как пить дать сразу пристрелили бы. Чтобы не мучился. С тех пор служивых не переносу.

Вероника полотенце протягивает. На полотенце её запах. Говорю, чтобы не трогала меня больше, что уезжать ей надо. Я ей помог, и она мне помогла. Она задумывается, но говорит, что племяша не может бросить. Говорит, что нету у мальчика больше никого и не может она его оставить.

Я тужусь придумать хоть что-то. Думать – это людское, а у меня с людским всё хуже и хуже. Привык зверем быть и проблемы все решать по-простому, по-звериному. Силой всё. Клыками. А тут вопрос вон какой – деликатный.

Вероника легко всё перенесла и приняла. Вопросов лишних не задавала. Так, словно если и не знала про волшебный мир, то сердцем в него верила. Если б не малец, за которого она в ответе, я бы, может, и рискнул поискать с ней дальше. Счастья поискать.

Зря. Зря втянул её во всё это. Жила бы себе спокойно. Растила ребёнка. Глядишь, и своим бы обзавелась. Не её это. Я из другого мира и помочь ей ничем не могу. И если продолжу помогать, она только сильнее во всём этом увязнет. А вся эта волшебная дрянь ещё приста-вучей запаха мертвечины. Никакая святая вода не поможет. Ступишь одной ногой и уже не выбраться. А оно только сильнее тебя тянет. Тянет-тянет. Пока ты не умрёшь.

Надо было сразу как мертвецов в лесу схоронил, развернуться, двинуть сквозь чашу и поминай как звали. Может, так и следовало сделать, да вот только было одно, что не отпускало его. И не глаза это её зелёные-зелёные, как иголки еловые весной. И не голосок это её тонкий и звонкий, что как ручеек струится. И не руки её сильные и нежные, которыми она ночью его к себе прижимала. Так прижимала, как никто до этого: как родного. Не отпускало его другое. Среди тел, что он в лесу сокрыл, не было одного – вожака, который на Веронику интересы имеет.

Наверное, как бойня началась, бросил всех своих и удрал, поджав хвост. Да вот надолго ли. Как прознает, что никого рядом с ней нет больше, так опять вернётся. Такие только так и могут.

Тела оставшиеся разодраны были сильно. Может, Вероника и не заметила, что одного не хватает. Она, может, и думает, что он лежит вместе со всеми в лесу. Надо выследить его. Найти и убить. Так только Вероника свободной останется.

Вот тогда и можно будет забыть и её, и городок этот.

Из всех запахов, что в баре были, только один вожака отличал достаточно от остального отребья. Рука его сломанная больницей несла. Гипсом. Свежим ещё. Не до конца застывшим. Уж на войне нанюхался, не спутаешь теперь ни с чем.

Стою вот я, о смертоубийстве думаю, о грешном и запретном, а она всё ходит вокруг, как кошка, приластиться хочет. Я говорю ей, чтобы вещи собирала. Она хочет это слышать. Говорю, что заберу её вечером с пацаном из забегаловки её. Говорю, что будем в безопасности. Говорю, что места волшебные знаю, что укроют нас.

Улыбается. Виснет на мне. Целоваться лезет. Носом о бороду трётся. Счастьем пахнет, дура.

А я и дальше вру ей с три короба. Лишь бы она сейчас отпустила. И она отпустит. От неё пахнет так, что сразу становится ясно, что она уже головой не соображает. А сердце её болью переполненное, только лишь грёзами и питается.

Говорю, чтоб забрала племянника и ждала в забегаловке у дороги. В квартире оставаться опасно, а там на людях не тронут. Ухожу.

Грустно. Выть хочется. Но ничего не поделаешь. Одно дело только осталось закончить в этом городе и можно дальше ехать. А память моя так устроена, что я и через несколько месяцев не вспомню её. Не вспомню даже если снова окажусь с ней в одной кровати.

Когда он уходит, Вероника хватается чемодан и начинает собирать детские вещи. С губ не сходит улыбка. Она думает, что теперь наконец будет счастлива.

Как только выхожу на улицу вижу – стоят. Двое. В чёрных костюмах. Стоят и на меня смотрят. Молчат.

Поджидали.

Запахов от них не идёт совсем никаких. Не то чтобы как от меня после перекиси и святой воды, а совсем никаких. Только разве, что лёгкий запах волшебства.

Заговорённые. Оба. Молодой с короткой стрижкой и густыми усами под носом. Взрослый с узкими глазами и седыми волосами. Оба заговорённые. Дознаватели.

Удостоверения показывают.

– Ты чего? Струхнул что ли? – дружелюбно и улыбочиво обращается тот, что с седыми волосами. – Не бой-ись. Мы так, поговорить. Или тебе скрывать есть что?

Он вроде бы и улыбается и глаза у него честные, а без запахов не могу ему поверить. Словно он и не человек вовсе. Мало ли что он задумал. Молодой стоит насупившись. Молчит. Он тут для моих когтей и клыков, а по ушам будет старый ездить.

– Мы тут с коллегой по делам мимо проезжали. Да услышали брата нашего. Я ему говорю дава-ай зайдём поздороваемся. Сейчас-то наших уже и не осталось-то толком. А он мне “бу-бу-бу, бу-бу-бу”.

– Ну здравствуй, – отвечаю ему. Глядишь, если не врёт, может, и отпустит по-быстрому. Это верно, что они ехали в другое место. Так бы быстро не прознали, что людей волшебная тварь погубила. Не за мной ехали. За кем-то другим.

– Да ты не бойсь, волчара. Нам тя прессовать с три короба не надо. Говорю ж, прое-ездом мы тут.

– Ну, белой дороги вам, а у меня дела ещё есть.

Пытаюсь уйти, но молодой меня за плечо хватается и к себе разворачивает. До боли схватил. Я чуть не взвыл.

– Тише, тише! Ваня, ну ты чего! Пусти его! Пусти говорю!

А Ваня в глаза мне заглядывает и сквозь зубы спрашивает, как бы вежливо, но тут же понять даёт, что драки ищет:

– Не видели ли вы чего необычного?

– Кроме двух ублюдков, что своих травят, ничего необычного.

С силой отпихиваю его руку.

Так и есть. Эти двое из волшебного мира. Да вот только жить спокойно доживать свой век, как остальные, отказались и побежали на службу к государю. При царе ещё ничего было. Никто никому не мешал, да и жили спокойно бок о бок. Мы людей не трогали, а они нас. А

потом, как одичавшие люди до власти дорвались, так стали губить нашего брата направо и налево. На цепь сажать. И. Зу. Чать. Боялись всё, что мы на их свободу позаримся.

– Да-а-а, – обиженно протягивает старик, проходя рукой по убранным назад седым волосам и продолжает: – А ты-ы, давно-то наших встречал? – снова задорно начинает он, улыбаясь. – Переменилось всё уж давно.

Тут из-за его спины медвежонок выглядывает. Сначала подумал, что нападёт сейчас. Да от неожиданности ничего предпринять не успел. И хорошо, что не успел, а то бы этот молодой уж набросился бы. А потом в эту же секунду понимаю, что не зверь это никакой: то ли призрак, то ли наваждение.

Старый на него так посмотрел и мне подмигивает типа “вон, родичи твои с нами работают”. А молодой даже усом не повёл и будто не замечает духа. Верно, этот дух сам решает, кому себя показывать. Может, он тогда и сам свою форму выбирает? Обернулся сейчас зверем лесным, мол, вот он я, собрат твой, а на деле может и гадюкой оказаться.

– Переменилось там или нет – не моё дело. У меня свои дела – у вас свои. Всё на этом.

Тут бы развернуться и уйти. Но боязно немного. Это не как тогда, когда вожаку руку сломал и к его шайке спиной повернулся. Это совсем по-другому.

Эти двое стоят. Молчат. Руки в карманах. Смотрят на меня.

Я медленно один шаг назад делаю. Они стоят не шелохнутся. Я увереннее поворачиваюсь от них и перед тем как совсем отвернуться на секунду задерживаюсь. Стоят не шевелятся.

Ухожу прочь, а сам весь напрягся. В уши превратился и слушаю, что за спиной у меня творится. Запахов-то от них нет, вот и не знаешь, что у них на уме и что они делать будут.

Как за угол заходил ещё раз обернулся. Так, для страховки. На месте. Смотрят.

Если от тех зарытых в лесу ещё долго можно было отнекиваться, то с вожаком нужно было покончить сразу. Если до наших слухи о ликантропе дойдут, то быстренько виновного, то есть меня, найдут и повяжут.

Найти вожака и прикончить его – теперь тоже не выход. Как ни вилял по городу, а чувство, что эти двое в спину таращатся, так и не прошло. С другой стороны, можно всегда сесть на свой байк и уехать. А память-то так устроена...

Опять-таки, с другой стороны, можно уже сделать, что задумал. Спасти Веронику и мальчика от гнёта этого шакала, а там будь что будет. Сколько мне ещё осталось месить под собой пыль дорожную? Может, пришло время давно? Пришло, а я, как обычно, взял и не умер. А время-то взяло и прошло мимо, и ходи ищи его теперь.

Остаток дня провёл в раздумьях и поисках запахов, которые источал скрывшийся в места кровавой расправы вожак бандитов. Несмотря на то, что ко всему прочему добавился запах гипса, никак не удавалось собрать достаточно запахов сразу, чтобы с уверенностью можно было сказать, что этот человек ещё в этом городке.

Смылся, значит. Ну, скатертью дорожка. Только вот такие ублюдки, как этот, всегда возвращаются. Может, не сразу. Может, через год. Такие всегда исподтишка. Носа своего не высунут из теплого и сухого места. Может даже подошлёт кого. Чтобы руки не марать и отомстить за унижение.

Надо бы предупредить Веронику.

Глава 3

– С кем ушёл?!

Всё вокруг кружилось. Для того чтобы просто держаться на ногах, потребовалось схватиться за спинку старого облезлого стула, точно такого же, как и все остальные в этой школе, за которыми Вероника просидела девять лет.

– У него такое же право общаться с ребёнком, как и у тебя!

– Да нет у него никаких прав! – её дыхание перехватывало, воздуха не хватало. – Ему суд запретил!

– Я считаю, – заносчиво виляла своим клювом директриса в тёмно-синем костюме, – что поступила правильно!

Ей всегда было наплевать на всё кроме своего мнения. За годы, что она провела у штурвала местной школы, она выпустила в большое плавание несколько поколений и по праву считалась влиятельной, хотя и не сильно мудрой, женщиной в своём городке. Некоторым из её выпускников удавалось разорвать злосчастное кольцо и покинуть пределы города. Некоторые так и оставались здесь и с большой долей вероятности спивались на единственном ещё живом предприятии города и всей округи – стекольном заводе.

– Мальчик растёт непонятно как! Над ним смеётся вся школа! Будто бы ты снова вернулась! А его оценки ты вообще видела?! Он говорит, что делает уроки на кухне, где ты работаешь! Это, по-твоему, нормально?!

– Ты больная! Больная старуха! Тебя посадят за это!

– Это ты больная! – истерично взвыла директриса и вскочила, как разъярённая ворона, хлопая своими маленькими чёрными глазками в сторону Вероники. – Нужно ещё разобраться, как суд поручил ребёнка такой, как ты! Знаю я, каким местом ты своего добиваешься! Знаю! Только это и умеешь! А как же с судом?! Ой не, сама себе не верю! Зачем кому-то такая обрванка?!

Заведённая старая директриса продолжала активно сыпать оскорблениями в спину удаляющейся Вероники, но разума слова не достигали. Всё мироздание было заполнено одним – безопасностью мальчика – Алёши.

Получается этот урод не сдох. Он сбежал из бара. И сейчас у него в заложниках его... Её Алёша. Что этот больной ублюдок может сделать с беззащитным ребёнком?

Выйдя из школы в раскалённое лето, Вероника почувствовала, что больше не может этого выносить. Голова кружилась. От боли в висках горло сжимается тяжёлой тошнотой, идущей из самого живота. Из самого низа какая-то инородная субстанция пронизывала все её нутро и рвалась наружу сквозь её глотку. Пытаясь хоть как-то уменьшить эту боль и вернуть себе чёткость мыслей, Вероника вдавливал собственный кулак в живот. Так она, словно придавливает боль, и дышать становится немного легче. Так можно сделать ещё несколько шагов. Пытаясь добраться до ближайшей скамьи, она остановилась в нескольких шагах от неё.

Мужчина с редкими рыжими волосами, сидевший на скамье, отрезал от большого красного яблока кусочки своим небольшим ножом и отправлял их в свой ухмыляющийся рот. От него исходила загадочная зловещая аура, которую Вероника почувствовала и оттого опасалась этого человека. Благодаря недавним событиям она была готова поверить во что угодно. В том числе в причастность этого человека к волшебному миру.

По какой-то причине этот ухмыляющийся не оказался тогда в баре с остальными бандитами, и поэтому сейчас сквозь его омерзительную ухмылку сочится яблочный сок по грязной щетине лица. Сок собирается в небольшие капли на подбородке, которые он размазывает медленным движением грязной руки, вызывая у Вероники ещё большее отвращение.

– Потеряла кого? – ехидно улыбаясь, спрашивает Рыжий с набитым ртом.

Вероника поняла всё, когда увидела его. Он знает, где Алёша.

– Да ты чё, мать?! На тебе лица нет! – удивлённо воскликнул мерзкий человек.

Вместе с его смехом изо рта на пол падали куски пережёванного яблока.

Нужно сейчас же наброситься на него. Вот прямо сейчас. Наброситься и выцарапать глаза. Ударить его по ушам, в кадык. Взять камень и размозжить его голову. Отобрать нож и перерезать ему глотку. А потом стравить на весь этот город своего нового парня. Плевать на всё – лишь бы Алёша был в порядке.

– Нармальна всё с твоим пацаном, – успокоившись и размазав по лицу остатки яблок из рта, что не упали на пол, продолжил Рыжий. – Все ему только добра желают. А ты чудишь непонятно чё.

– Я убью тебя!

Гневное предсказание само вырвалось изо рта Вероники. Его вытолкнула наружу та сила, что подымалась из её живота и выходила болью в шею и глотку. Может, у этого человека внутри такая же сила и именно она заставляет яблоки валиться из его рта?

Вопреки ожиданиям человек не начал смеяться, запрокинув голову, хлопать себя по коленям и топтать ногами, теряя изо рта очередные куски яблока. Он резко встал и медленно подошёл к Веронике. Чем ближе он подходил, тем отчетливее она слышала запах разложения, исходящий от него.

– А может, я... убью тебя? – смотря на неё своими косыми стеклянными глазами спросил человек.

Он изучающе смотрел на неё ожидая ответа.

– Кароче, – строго отрезал Рыжий и, источая изо рта запах гнилых зубов, медленно передал послание, которое Вероника уже получила, как только увидела его. Получила, но не могла расшифровать. – Куда идти знаешь? Знаешь. Что одна приходишь понятно? Понятно. Если к ментам сунешься, понимаешь, что мелкого больше не увидишь?

Вероника молчала, сильнее вдавив руку в живот. Рыжий приблизился настолько близко, что ей показалось, что её вот-вот стошнит от его запаха.

– Мне-то насрать на тебя. Сдохнете вы там все или дружно заживёте... – он медленно перешел на шёпот, словно боялся, что кто-то может подслушивать. – Я просто хочу спасти мальчика...

Пытаясь понять последние слова Рыжего и в глубине души надеясь найти неожиданного союзника, на несколько секунд Вероника встретила его взгляд. В нём не отражалось ни капли разумности, ни капли человечности и осознанности. Словно Вероника смотрела в стеклянные глаза наркомана. Но потом, не меняя выражения лица, Рыжий так же шёпотом, добавил:

– А может, мне просто хочется волчатины?

– Он тебе не по зубам!

Рыжий резко отскочил от неё и, разведя руки в стороны, одарил своей омерзительной улыбкой.

– Как знать. Как знать.

Глава 4

Пока я пил пиво и ждал Веронику в баре, точно решил, что моя работа здесь окончена. Вожака в городе нет. Ни ей, ни племяшу больше никто не угрожает. Надо разворачиваться и ехать дальше. На юг. Успеть понежиться в тёплых лучиках и солёной воде, пока окончательно не провалился в старчество.

Из ниоткуда ко мне за столик в углу кабака присаживаются двое в чёрном. Усатый и тот старик, что духом помыкает. Устало располагаются так, как будто я их ждал. Сидят напротив. Молчат. Медвежонок залазит на скамью рядом со мной. Усатый тянется в карман за чем-то. Головой-то понимаю, что не станут они тут на людях ничего воротить, но сам всё равно весь напрягся. Кто знает, что у них на уме. Они же без запахов.

Достаёт из кармана прибор какой-то чудной, бронзовый, что ли, и на стол промеж нами кладёт. Похож на тот, которым раньше астрономы пользовались. Астралья-ли-ля какая-то. Только не везде шестерёнки, как раньше, а всё лампочки какие-то да микросхемы. Чертовщина!

– Знаешь, что это? – с вызовом вопрошает усатый.

Молчу.

– О-ой, да ладно тебе, – устало протягивает седой. – Хорош пугать его, откуда он чего знает.

– Конечно, не знает. Он же животное. В голове небось одно: жрать и трахаться. Да убивать всех, кто на пути встанет, – пытается задеть меня. Я не реагирую, он продолжает: – Это прибор такой. Специальный. Теневая Астральябия. Он одновременно и волшебный и нет.

Иван проводит по нему рукой. Тот, как живой, откликается на его призыв. Вздрагивает, дрожит и надувается, превращаясь в шар, который взмывает над столом.

Я по сторонам испуганно – но, как и с духом, которого старик приручил, никто ничего, словно не замечает.

– Не пережива-ай, – отвечает на моё беспокойство старик. – Это только нашим видно, как он работает.

Прибор раскручивает шестерёнки, бегущие и бьющиеся друг о друга на своей поверхности. Ваня, сдвинув брови, регулирует на нём какие-то рычажки и кнопки.

Словно в подтверждение слов старика к их столику подходит официантка. Она устало переводит взгляды с двух мужчин в чёрном на мой бокал. Потом на меня. Потом на прибор на столе. Потом снова на меня.

– Ещё? – спрашивает она.

Я допиваю остатки в своём бокале и киваю, показывая этим дознавателям, что не боюсь их и никуда не собираюсь.

– А друзья твои чего? Посмотреть пришли?

– А у вас водка какая? – с интересом оживлённо спрашивает седой.

Медвежонок с интересом наблюдает за Теневой Астральябией и, устало ревя, зевает. Прибор раскручивается всё быстрее и, рассекая воздух, начинает пронзительно свистеть, выпуская пар.

Официантка смотрит прямо на волшебный прибор. Потом на меня. Потом переводя усталый взгляд на седого, отвечает ему:

– Обычная.

– А мне тогда пива. Бархатное есть?

– Есть.

– А мне, – неуверенно начинает Иван, но его тут же перебивает старик.

– А Ваня будет лимонад. Ваня за рулём.

– За рулём? – удивляется Иван, широко раскрыв глаза.

Впервые за всё время он проявляет хоть какие-то человеческие эмоции.

– За рулём, за рулём, – похлопывает его по плечу старик и обращается ко мне: – Ты не сердчай. Нам просто проверить кое-что надо. Да и тебя заодно.

Немного задержавшись напоследок на парящем над столом приборе, уставший взгляд официантки быстро скользнул по блокноту, и она отправилась дальше вдоль столиков собирать заказы и пустые бокалы.

– Теневая Астролябия, – продолжает Иван, закончив настройку, – показывает тварей всяких, которых здесь быть не должно. Ну, которые в наш мир лазейку нашли. Встречал таких когда?

Чёрт его знает о чём он. На мгновение показалось, что, может, они и не дознаватели никакие. Зря удостоверения-то их не посмотрел, а сейчас уж и неловко как-то спрашивать. Молчу. Усатый продолжает. Думает меня запугать. Кажется, у него получается.

– Они тоже, как этот прибор, одновременно и волшебные и нет. Только вот не место им, тварям этим, в мире нашем. И пока они тут находятся – пожирают его. Жизнь из него высасывают.

Астролябия раскручивается всё сильнее: лампочки мерцают, бегут шестерёнки, местами из неё вырываются клубы пара, которые пахнут самым обычным волшебством.

– Мы-то таких раньше легко находили. Они хоть и безмозглые, только вот всё равно помирать не хотят, – Иван неожиданно выпускает смешок из своих усов. – Прям, как ты. Но они начали прятаться от нас. Брат наш волшебный по вкусу им пришёлся. Засядет вот внутри у какой-нибудь русалки эта штукавина и сосёт из неё жизнь потихоньку, а та и знать не знает, плавает себе да только заразу разносит.

Официантка появляется с пивом и снова подозрительно косится на меня. Дух снова зевает.

– Ты, кстати, как сам в последнее время? – прищуривается Иван, оглядывая меня. – Силы-то волшебные никуда не пропали?

Прибор вращается настолько быстро, что огоньки от лампочек сливаются в разноцветные полосы и весь шар начинает мерцать, освещая озадаченные лица.

– Ну, за твое здоровье, волчара, – говорит старик, поднимая бокал и не обращая никакого внимания на беснующийся разноцветный шар, залпом начинает осушать бокал с тёмным пивом.

Я напрягаюсь, пытаюсь вспомнить: как давно волшебные силы начали покидать меня? Прислушиваюсь к нутру своему. Неужто всё так и есть, и внутри паразит какой засел? От этого и слабость такая, а я-то всё: старый, старый.

Медвежий дух начинает реветь то ли от усталости, то ли от голода. Иван, недобро глядя на меня, запускает руку за пазуху. Астролябия вращается всё быстрее и быстрее и, испустив огромное облако волшебного пара, опускается на стол, сбавляя обороты.

Когда старик хлопает пустым бокалом по столу, Астролябия уже сжалась до первоначального, плоского состояния.

– А-ах. Хорошо-о, – облегчённо выдыхает старик. – Я же говорил тебе обычный оборотень, а ты мне...

Дух медвежонка сразу куда-то запропастился. Иван огорчённо убирает свой прибор за пазуху и огрызается:

– Да она через раз работает, – обиженно оправдывается он. – Тоже мне! Чудо техники от Василисы!

– Ну-у вот так вот, – прихлопнув по столу, старик встаёт. – Ты прости, если что не так, но служба у нас такая...

– Я, конечно, извиняюсь, – вздрагивает, словно очнувшись официантка, – но это не с тобой Вероника вчера ушла?

Старик, менясь в лице, медленно опускается обратно.

– Она на телефон не отвечает. Ты там как вчера? Как джентльмен? До дома довёл?

Дух медведя, проявлявший до этого толерантность, появляется вновь и, глухо рыча, оскаливает свои зубы.

Двери кабака распахиваются. Залетевший в них краснощёкий молодчик упирается в колени, пытаясь отдышаться. От него пахнет водкой, рвотой и страхом. Все ещё запыхиваясь, он пытается провозгласить на весь кабак ужасающую и будоражащую его кровь новость:

– Народ! Там это! За заводом, на седьмом! Это! В лесу! Ну, где завод, блин!

– Да знаем мы, где завод! – направляет его официантка. – Чё там?

– Игорь! Игорёк там!

Большинство посетителей возвращаются к своим делам, потеряв к молодчику всякий интерес, но продолжают обсуждать местные новости:

– Опять грибов, что ли, нажрался?

– А чё за Игорь?

– Ну Игорёк!

– Летёха который?

– Да не. Со стеколки. Ну сторожем там работает.

– А, этот. И чё он?!

– Чё с Игорьком?!

– Да чё-чё. Скучно посреди леса на пустом заводе сидеть. Опять напился водки с грибами и чудит небось.

Крик молодого парня разносится по кабаку, вновь привлекая внимание собравшихся.

– Да послушайте! Не только Игорёк! Шпала, Вася и Кучерявый! И ещё кто-то! Там в лесу! Мёртвые все! Менты говорят, по ходу волки задрали!

В кабаке начинается суета. Народ начинает тянуться друг к другу. Уточнять, кто на машинах. Кто с оружием. Дорога до города не дальняя, но, если ночью наткнёшься на стаю волков, мало не покажется.

Иван недобро улыбается, глядя в мою сторону. Медвежий дух наготове. Если такой набросится, всё моё из без того ослабшее волшебное естество покорёжит. Седой старик вновь встаёт и, пожимая плечами, раздосадованно оголяет и без того понятную всем вещь:

– Допивай. Поехали.

Глава 5

Стекольный завод, скрывающийся посреди доисторического леса, пропуская красные лучи закатного солнца сквозь осколки битого стекла, обманчиво сиял яркими цветами.

Вероника ухмыльнулась, подумав, что она давно не в Канзасе, а время встретиться лицом к лицу с Великим и Ужасным настало уже давно. И в роли Великого и Ужасного для неё выступал не кто иной, как сам стекольный завод.

Она была здесь множество раз. Испытывая острую нехватку в кадрах, руководство завода прививало любовь к своему предприятию с ранних лет, устраивая ежегодные экскурсии для школьников, неизменно заканчивающиеся одинаково: оранжевыми леденцами в форме основной продукции завода – стеклянных бутылок. Наслаждаться этими сладостями было невозможно не только из-за их отвратительного вкуса. Проведя почти час на экскурсии по стекольному заводу, беря в рот твёрдую и хрупкую карамель в знакомой форме, невозможно было представить, что во рту у тебя не стекло.

Но страшило её не это, а то, что этот завод сожрал её отца. Всё было настолько просто, что иногда ей в это не верилось – он споткнулся. Простая оплошность, которая в обычной жизни в худшем случае обернётся ссадиной, на стекольном заводе стоила жизни. Вероника не знала подробностей. И не хотела знать.

Её мать попыталась пережить это, но не смогла. В попытках справиться с горем она косвенно вложила практически всю довольно скромную компенсацию за жизнь своего мужа в продукцию самого этого завода. За три года алкоголь развел и её душу.

Оставшись один на один с отчимом, высасывающим деньги и силы из её полуживой матери, Веронике пришлось быстро взрослеть и кулаками пресекать любые косые взгляды в свою сторону.

И сейчас она впервые за долгое время почувствовала себя живой. Почувствовала себя той семнадцатилетней девчонкой, которая не засыт драться наравне со взрослыми мужиками вдвое больше её. Нужно только дать им понять, что ты готова идти до конца, и они сами отступят. Готова драться до последнего вздоха, до последней капли крови, а не покорно лежать со спущенными штанами, как сегодня в баре, ожидая волшебного спасения. Её главным атрибутом в этих драках были не сбитые кулаки и не внушающий страх взгляд. Её суперсилой было отсутствие страха. Готовность умереть. Умереть и не жить жалкой безвольной рабой случая. Умереть свободной. Умереть, зная, что каждый момент жизни она была настоящей и прожила свою жизнь так как хотела.

Сейчас, сжимая кулаки, она вновь ощутила себя живой. Заново рождённой. Когда она успела стать такой? Что с ней было? Когда она превратилась в типичного обывателя в мерцающем ореоле стекольного завода? Неужели так она пыталась защитить Алёшу? Это нужно кончать. Кончать с безвольными рабами, как и с этим заводом.

Она готова убивать.

* * *

“Наконец перестану убивать, – думал ликантроп в наручниках на заднем сиденье волшебного автомобиля. – Да, посадят на цепь, но кормить-то будут. Охотиться больше не надо. Куча времени свободного... Можно даже попробовать дочитать Библию. Пока приговор не исполнят”.

Волшебные наручники не давят на запястья и не жгут кожу, но сидят плотно и крепко, разорвать не получится. Двое дознавателей спокойно едут спереди. Медвежий дух рядом

со мной – сзади. Делает вид, что спит, но на самом деле стережёт. Кожаный салон чёрной “Победы”, как и его обитатели, выбивается из привычного мира своим отсутствием запахов.

За окном – лес. Туман. Солнце садится.

– Что теперь будет?

Старик оглядывается. Медвежий дух лишь слегка глаз приоткрыл и снова сделал вид, что задремал.

– Ну-у... – тянет старик, разглядывая меня через плечо, – эт от тебя зависит.

– Это как?

Усатый за баранкой хмыкает и зыркает в зеркало заднего вида, а старик продолжает:

– Тебе ж говорят: перемены-илось всё давно. Люди сейчас рука об руку с волшебным стараются идти. Волшебного мало, а проблем много. Поэтому приговоры сейчас... Не знаю... Как бы ты их назвал, Ваня? Ты ж помнишь, наверное, как раньше было?

Усатый сжимает руль. Кажется, слышно, как он скрипит зубами. Видимо, между ними не так уж всё и гладко.

– Ну, чего ты, Вань? Поделись мыслями, раз уж старики о прошлых временах заговорили. Как было-то раньше?

– Раньше?! Раньше... всех этих... этих... тварей!

Медвежий дух обиженно пискнул.

– Всех вас! Только оступишься! И всё!

Любопытные глаза ликантропа ударились о зеркало заднего вида, отражающее полный ненависти взгляд усатого.

– Ты не обижайся на него, – снова обернувшись, говорит старик. – Он как-то волшебных бобов объелся. Так они из него три дня выходили с радугой и божьими гимнами, так вот с тех времен он всё волшебное и недолюбливает.

Старик с захмелевшими глазами растягивает губы между ушами. Чувство частично выполненного долга, обильно заправленное южным солнцем и отполированное вторым бокалом тёмного пива, которое он выпил, пока Иван оформлял арестанта, вырывалось наружу в подколках своего немногословного товарища.

– Так и что? Может, не будем время тратить? Отпустите меня, что ли, сразу?

– Ну-у... – затягивает старик, – ты там не наглей. Никуда тебя не отпустят. Я говорю тебе: проблем много, а волшебного мало. Смекаешь, к чему я?

– Я легавым не стану.

Медвежий дух и старик удивлённо уставились на меня и смотрят. Иван за рулём улыбается и кивает.

– Станешь, – грустно говорит старик. – Или так, или тебе голову отрубят.

– Не станет, – качает головой Иван, растягивая губы вниз. – Он же гордый. Вольный. Лучше помереть, чем на цепь. Так?

– Так.

– Ну, так может не будем время тратить? Давай я тебя прям в этом лесу кончу? Остановлю машину...

Иван сбавляет скорость, мигая поворотником. Автомобиль, разрезающий тонкую линию поплывшего битума своими фарами, замирает на окраине ночного леса.

– Ва-ань... – настороженно тянет старик.

Иван выходит из автомобиля. Открывает заднюю дверь и приглашает выйти своими сверкающими глазками.

Прежде чем его ехидство достигает моих ушей, запахи врываются в салон волшебного автомобиля. Помимо привычных я слышу и новые, странные. Сначала мне кажется, что это наваждение, что такого просто быть не может.

За секунды я понимаю всё. Понимаю, что судьба привела меня сюда. И именно она открывает мне сейчас дверь. Может быть, она меня всю жизнь и спасала, чтобы я сделал, то, о чём сейчас подумал.

– Выйдем с тобой в лес. Я даже наручники сниму. Хочешь дам тебе такой шанс? Хочешь попробовать свои силы?

– Ва-ань!

Выхожу из машины.

– Честный бой? – спрашиваю у него. – Как раньше?

– Честный бой, – повторяет он с отвращением. – Как раньше.

Протягиваю ему руки. Он улыбается и сверкает глазками. Верит в свои силы. Молодец. Снимает наручники.

– Ваня, блядь!

Если бы я не услышал то, что услышал, я бы пошёл с ним в лес. Вышел бы с ним на поляну. И в честном бою бился бы с ним до смерти. Лучше так, чем на плаху. И мне действительно плевать, кто бы там победил. Может быть, даже и он. Слишком уж он самоуверен. Но, выйдя из машины, я только убедился в том, что вынужден поступить иначе. Как подлая собака.

Перед тем как начать превращаться – на лапах доберусь за считанные минуты – я плюю ему в лицо, чтобы ослепить и разозлить. В тот же момент бросаюсь в лес без оглядки. Прямо на свой запах, оставшийся на Веронике, и запах уже почти застывшего гипса.

Слышу, как Иван ломится на своих двоих за мной, но куда уж там. А старик кричит что-то сквозь писк ожившей Теневой Астролябии.

Глава 6

Коричневые, зелёные и прозрачные осколки во тьме завода смеялись над Вероникой каждый своим собственным голосом. Одни звали её отступить, другие призывали продолжить путь, ну а третьи сулили скорую гибель.

Сейчас она поняла, что поступила опрометчиво. Нужно было просто вызвать полицию или позвать волка. На что она рассчитывает?

Скрипящая дверь последнего этажа промышленного цеха заставила сердце Вероники на мгновение остановиться. Размышляя о том, что её может ждать здесь, наверху, сознание полностью игнорировало то место, куда она направляется. Ноги сами брели по ступеням, но сейчас, когда к насмешкам миллионов осколков битого стекла добавился пронзительный завывающий смех ржавой двери, она замерла как вкопанная.

Длинный мост, спроектированный непонятно кем и для каких целей, заканчивающийся небольшой смотровой площадкой, тянулся через огромный цех, заполненный горами битого стекла. В конце моста мужчина с безумными глазами и сломанной рукой. Рядом с ним оконная рама с треснувшим в ней стеклом, за которым беспокойные глаза тут же различают цвета Алёшиной куртки.

Позабыв о страхе и миллионе упрекающих голосов в голове, Вероника бросилась по старенькому узкому мосту.

Что с ребёнком? Что он сделал с ним?

Когда она почти приблизилась к ним, мужчина, стоявший за Алёшей, остановил Веронику, направив на неё пистолет. Ей ничего не оставалось кроме как снова замереть и не двигаться. Не дышать.

– Пришла, значит. – Широко раскрытые глаза мужчины источали безумие и вызывающе сверлили Веронику. – Одна?

Вероятно, его психике было сложнее справиться с той горой тел, что двухметровый волк оставил в баре. Это логично, ведь в отличие от Вероники он наверняка прежде держал эти разорванные куски мяса за людей, а некоторых, возможно, даже считал своими друзьями.

За оконной рамой действительно сидел Алёша. Он мирно спал, сложив уставшую голову на руки, которые в свою очередь опирались на подоконник оконной рамы, сданной вместе со стеклом на переработку. Рядом с его лицом прямо на стекле пульсировало небольшое пятнышко влаги, порождаемое спокойным и размеренным дыханием спящего ребёнка.

На стекле красной губной помадой была нарисованная лестница и дверь. У основания лестницы фигура. Последней, тринадцатой, ступени не хватает. Знакомая кривизна линий и угловатость рисунка дали ей понять, что он нарисован рукой Алёши.

– И чё, волчару не привела?!

Человек с пистолетом залился безумным смехом, отражающимся и усиливающимся в коричневых, зелёных и прозрачных осколках стекла под ними, и возвращающимся в сознание Вероники шрапнелью, рвущей реальность на части.

– Отдай ребёнка!

Требование, вырвавшееся изо рта, мигом обрывает многоголосие стекольных осколков, как и их источник. Алёша просыпается, потирая сонные глаза кулаком.

– Думаешь, я держу его? – кривит рот безумец, выдавая себя за разумного человека.

– Ты пришла!

Алексей вскакивает и бежит к Веронике. Пистолет быстро прячется вместе с рукой за спиной. Ребёнок с разбегу налетает на свою спасительницу, заключая её в родные объятия. Падая на колени, она принимает его к себе изо всех сил, словно пытаясь убедиться в том, что это никакой не морок. Из её глаз бегут слёзы.

– Как ты? Всё хорошо? Ты не ранен?

Она рыщет руками по нему пытаясь найти подвох, но успокаивая её, ребенок сильнее прижимается к ней и, поднимая детские глазки, задает наивный вопрос:

– Папа сказал, мы теперь будем вместе. Как раньше?

Осколки взрываются смехом. Они смеются над ней. Со всех сторон льют в её уши слова о том, какая она тупая и безмозглая.

– Что? Папа?

Ребёнок отдалается и по-взрослому оценивающе разглядывает её лицо.

– Ты забыла? Опять?

Незаметно приблизившийся мужчина кладёт руку на его плечо и говорит по-доброму:

– Забыла. Забыла. Ты же знаешь, она всегда забывает. Ничего страшного. Скоро всё кончится. Сможешь закончить то, о чём я тебя просил?

Алёша с опаской поглядывая на Веронику, отдалается сначала к мужчине, потом не спеша, опустив голову, бредёт к треснувшему стеклу, разрисованному красной губной помадой.

Мужчина опускается на корточки перед ошарашенной Вероникой, безумно улыбаясь.

– Ничего. Скоро всё кончится. Из-за твоего нового ёбыря, я тут кое-что узнал про наш мир... про нашу семью. Поспрашивал у тех, кто ведаёт. И знаешь, мне подсказали, как нам отсюда выбраться.

Слова звучат рядом с ней, но её мозг кряхтит, словно заглохший двигатель, пытаясь вновь работать как надо.

– Мне надоело это всё. Я вытащу нас отсюда. И все мы будем как раньше. Вместе.

Через туман в голове и смех осколков она видит, как Алёша берёт губную помаду и тянет руку к стеклу. Он не понимает, что делает. Ему не нравится это. Нужно просто разрешить ему не делать этого.

– Алёша! – зовёт она его, но, словно во сне, её рот открывается, но слова не могут вырваться из него, и всё произнесённое тает в тяжёлом как свинец воздухе прямо перед её глазами. – Алёша! Не надо! Не надо, Алёша!

И вдруг то самое давно забытое слово само собой вырывается из неё, разрушая оковы тёмного колдовства, и заставляет руку, выводящую на стекле последнюю ступень, остановиться в нескольких миллиметрах от соединения магических линий.

– Сынок!

Алёша замирает, задумчиво округляя глаза, точно такие же, как и у её матери – зелёные-зелёные. Удивление в глазах отца за секунду сменяется гневом, и Вероника, теряя ориентацию от удара пистолетом по лицу, падает на пол, забрызгивая всё кровью из разбитого носа.

Сквозь безумный смех Вероника видит испуганные глаза. Испуг от удара заставил Алёшу вздрогнуть, и красная помада в его руках соединила красные линии на стекле, завершив колдовство. Фигура на стекле у основания ступеней начала своё размеренное движение вверх.

– Сотри её! – кричит Вероника, но Алёша застыл, не понимая, что происходит. – Сотри лестницу!

Когда фигуре на стекле остаётся несколько ступеней до двери, нарисованной в конце ступеней, очнувшийся ребёнок бросается послушно выполнять просьбу матери, но его усилия лишь размазывают помаду по стеклу и ускоряют силуэт, минующий последние ступени в считанные секунды.

Вероника слышит, как дверь за её спиной распаивается. Она не смеет шевельнуться. Не смеет дышать. Лишь непослушная кровь выдает в ней живого человека, каплями падая на ржавый пол из её разбитого носа.

Холодное дуновение, исходящее от чёрного силуэта с очертаниями женщины, пронеслось мимо Вероники и остановилось возле захлёбывающегося от собственного смеха мужчины, на секунду, за которую на его шее появляются красные полосы.

– Алёша, беги! – выкрикивает Вероника, вскакивая на ноги, но тут же её сознание проваливается, ощущая расплывающуюся тугую боль по затылку.

Последнее, что она видит, спокойный взгляд сына, поднимающего взгляд на чёрную женскую фигуру рядом с ним.

Глава 7

За несколько часов могло показаться, что у оборотня есть остатки чести и доблести, но при первой же возможности он поступил, как любая другая сказочная тварь: плюнул в лицо, предлагающее ему достойную смерть, и убежал в лес спасать свою шкуру.

Лес был обычный, даже довольно редкий, и случись эта погоня днём, Иван без проблем смог бы подстрелить волка. Но сейчас, в темноте, задыхающийся от погони Иван не может ни увидеть, ни услышать его. Хотя...

Дело, конечно, ни в какой не в темноте. Рассуждая здраво и размеренно, Иван мог бы сплести несложное колдовство и быстро выследить оборотня. Дело в упомянутых чувствах чести и доблести, которые с самого детства были вращены в Иване и теперь мешали ему нормально жить.

Весь ОПР теперь будет смеяться над ним. Они и так недолюбливали его, равно как и он их, но в последнее время благодаря старшему напарнику – Нанайцу – отношения с коллективом и начальством понемногу налаживались. Хотя Нанаец никогда не упускал возможности посмеяться над ошибками Ивана. Ему будет достаточно доложить руководству: Иван освободил преступника, тот плюнул ему в лицо и убежал в лес. Собственно, так всё и было.

Пока Иван, держась за голову, хаотично крутил ей во все стороны, пытаясь найти хоть какой-то след, задыхающийся после пары тёмного пива немолодой Нанаец догнал его.

– Куда ты?!

– Надо поймать его!

– Да чёрт... – задыхался Нанаец, – чёрт с ним! Гляди!

И только сейчас в протянутой руке Иван увидел и услышал исправно работающий прибор – Теневую Астролябию. По сравнению с тем, когда они проверяли оборотня, она вела себя совершенно иначе. Чёткие действия шестерёнок, сопровождаемые звуковыми и цветовыми сигналами, исправно работали, выполняя свою единственную задачу – указывали направление.

– А что с оборотнем?

– Да, чёрт с ним с волком! Мы здесь для этого!

Нанаец потряс в руках Теневую Астролябию, пытаясь таким образом придать убедительности своим словам и вытолкнуть из головы Ивана никому не нужное противостояние с магическими созданиями.

Через несколько минут умеренного бега, который был ещё по силам старому Нанайцу, они вышли из леса к тому месту, куда привёл их прибор – старому стекольному заводу, который при свете луны казался пристанищем жутких страшных тварей.

Когда двое агентов ОПР подошли к сломанным воротам, у них не оставалось никаких сомнений в том, что каждый из них замечал, но не озвучивал. Переглянувшись, они достали свои заговорённые пистолеты с волшебными пулями и со всех ног бросились на территорию завода, оставив за своими спинами тревожащие их отпечатки огромных волчьих лап.

Астролябия вела их туда же, куда и следы – вверх по ржавой металлической лестнице. К старой металлической двери, за ручку которой схватился Иван, как только её увидел. Нанаец вдруг придавил дверь ладонью, налегая на неё всем своим весом. Удивлённый Иван наткнулся на суровый взгляд обычно улыбчивого и дружелюбного напарника.

– Не лезь на рожон! – холодно приказал ему старший товарищ.

– Я понял! Понял!

Иван дёргает за дверную ручку, но Нанаец крепко прижимает дверь.

– Я не буду, как остальные, бросаться за тобой. Хочешь умереть – твоё дело. Меня в это не впутывай. Приказы отдаю я. Не забыл?

– Не забыл, – низко ответил Иван, само собой выпячивая челюсть вперёд.

Шок от картины, открывшейся за дверью, заставил их обоих задуматься на несколько секунд, за которые они потеряли своё преимущество в неожиданности.

Ближе всего к ним, на мосту, головой в луже крови лежала женщина. Дальше недалеко от неё тело мужчины, так же в луже крови. Дальше на полу, весь в крови и порезах, в редких конвульсиях бьётся оборотень. В конце моста...

– Это...

Женский силуэт в чёрном платье.

– Она?

Лицо сокрыто длинными чёрными волосами, но повёрнутая через плечо голова источает зловещую улыбку, по которой можно догадаться, что она смотрит прямо на них.

– Это не она, – говорит Нанаец в тот момент, когда вспышка чёрного тумана позади них раскрывает чёрный женский силуэт, секунду назад стоявший на другом конце моста. – Проверь людей. Если можешь – спаси.

Длинные чёрные ногти медленно тянутся к их шеям. Ей некуда спешить. От неё ещё никто не уходил.

– А она?

– Я разберусь.

– Но...

– Ты про меня не всё знаешь, – ухмыляется Нанаец.

Иван так и не понял, что произошло. Нанаец развернулся с невероятной скоростью, вытянув перед собой ладонь, а женщина в чёрном вылетела, снеся железную дверь, в которую они совсем недавно прошли. Нанаец тут же закрывает дверь, хотя все понимают, что это задержит её не больше чем на секунду.

– Выполнять!

Бросаясь по мосту, Иван чётко понимает, то, о чём давно догадывался, но боялся высказать вслух, клеймя себя ещё большим ненавистником всего волшебного. Его напарник далеко не простой человек. Ведь вокруг него красными огнями разгорается силуэт огромного медведя, вступающий в схватку с острыми как бритва молниеносными когтями женщины в чёрном. Видя, что Нанаец всеми силами пытается не пропустить женщину на мост, Иван спешит к людям.

Мужчина мёртв – понятно сразу. Толстые порезы на шее подарок от Пиковой Дамы.

Женщина – без сознания. Пульс есть. Кровь из сломанного носа. Других ран не видно.

Оборотень. Всё тело в незаживающих порезах. От женщины в чёрном? Корчится, словно его поливают святой водой, но встать не может, будто что-то придавливает его к земле. Вокруг него диковинные символы, непохожие ни на что. Глаза смотрят прямо на Ивана.

– Ре... бё... – выдавливает из себя ликантроп.

Ребёнок! В конце моста, на смотровой площадке стоит ребёнок. Боясь пошевелиться, он как статуя испуганными глазами смотрит прямо на Ивана. Вокруг ребёнка те же знаки, что и вокруг оборотня.

Подскочив к ребёнку, Иван трясёт его за плечи. Ребёнок в шоке. Несколько мгновений он никак не реагирует, пытаясь осилить происходящее, а потом теряет сознание. Иван оглядывается в поисках путей отступления. Их нет.

– Дозна... ватель! – кричит оборотень. – Убей!

Его последнее слово тает в захлёбывающемся от крови горле.

Женщина и ребёнок. Нужно вытаскивать их. Внизу под ними горы битого стекла. Мост заканчивается дамой, с которой и в обычном состоянии было бы невероятно сложно договориться.

Только сейчас Иван замечает мирно стоящее в сторонке окно, с нарисованным на ней колдовством. Достав заговорённый пистолет, он нацеливается в силуэт женщины, нарисованный детской рукой на треснутом окне.

Тёмное пятно со скоростью света появляется на пути пули, которая отскакивает от оборотня. Оборотень, который только что умирал, стоял между Иваном и детским колдовством на стекле, целый и невредимый. Его раны затянулись, а шкура приобрела тёмно-синий оттенок.

Иван понял, что ещё минуту назад, глядя на эту волчью морду, видел на ней человеческие глаза. Сейчас же это были не человеческие, не звериные глаза. Сейчас с морды оборотня, на которой застыла такая же безумная улыбка, как и у женщины в чёрном, на Ивана смотрели глаза, в каждом из которых было несколько зрачков. Зрачки плавали и перетекали по вытянутой радужке, изучая окружение и лишь иногда останавливаясь на Иване.

Иван делает выстрел. Ещё. Он стреляет и стреляет волшебными пулями из заговорённого пистолета по оборотню. Но это ничего не меняет. Пистолет щёлкает, оставляя пары безумных зрачков тарашиться в стороны.

– Они заражены! – кричит Иван Нанайцу и бросает на него взгляд: как он там?

Тяжело. Схватка с любым зазеркальщиком и так не из лёгких, а тут ещё и эта зараза. Женщина в чёрном, которая, видимо, решила пробиться сквозь защитную оболочку в форме медведя, пытается дотянуться до Нанайца своими длинными и острыми как бритва когтями, но призрачный хранитель сдерживает её. Пока.

– Так-то... – кричит Нанаец, схватившись руками за пустоту, а огромный медведь вокруг него рычит, повторяя его усилия. – Понятно...

Волк делает шаг вперёд. Времени на раздумья нет.

Иван оглядывает горы стекла под ногами, пытаясь оценить: допрыгнет или нет? Других вариантов всё равно нет. Противостоять заражённому оборотню нечем. Нанаец долго не продержится. Женщина ещё жива, но она посреди моста и до неё не добратся.

Схватив ребёнка за куртку и подтянув к себе, Иван вскакивает на ноги. Прижимая его как родного, он разворачивается и, делая несколько больших шагов, что есть силы отталкивается от перил смотрового мостика, придуманного непонятно кем и непонятно для чего.

Он сразу понимает, что не получилось. Он не допрыгнет. Даже и близко не достаёт до суши. Перехватывая дыхание, он машет ногами в воздухе, пытаясь оттолкнуться от него, но неизбежно приближается к поверхности океана, состоящего из острых осколков битого стекла.

Ивану удаётся перебороть свой страх и приземлиться ровно на обе ноги, утонувшие по колено в океане. Боли он не чувствует. Сначала. До суши ещё примерно столько же сколько он пролетел от моста. Ребёнок мирно спит на руках, не подозревая, что находится в смертельной опасности.

Сквозь слёзы, боль и крик, вырывающийся из самого естества Ивана, он делает первый шаг. Нога вскипает, словно погружённая в раскалённое масло. Иван знает, что делать. Нельзя останавливаться. Если дать боли сожрать себя, то не сможешь сделать ни одного шага. Он тут же делает ещё один. Затем ещё.

Ноги словно горят. Кровавый след тянется за Иваном, который перевалил за порог боли доступной человеку. Боль поселилась в его мозгу и выживает оттуда всё, раскаляя его и вызывая к древним животным инстинктам, которые он так презирает. Его выпученные слезящиеся глаза смотрят на лицо невинного ребёнка, которого он пытается спасти. Должен спасти!

Иван молится о том, чтобы на его костях осталось достаточно мяса, чтобы передвигать ноги, с остальным он справится позже.

Надежда умирает, когда перед ними посреди океана приземляется огромный оборотень с безумными, стреляющими во все стороны, зрачками. Не замечая режущих его осколков, он направляется к Ивану продолжая скалить зубастую пасть в безумной улыбке. Готовясь к удару,

который покончит с болью, съёжившийся Иван смотрит, как волк медленно заносит над ним лапу с острыми когтями.

В последний момент всё меняется. Что-то происходит. Безумное существо без капли рассудка в глазах замирает. Оно начинает вращать головой по сторонам. Словно пытается откликнуться на чей-то зов. В приступе злости оборотень бьёт лапами по осколкам, но только больше взывает.

В свете луны, просачивающемся сквозь грязные окна, Иван замечает, что необычные глаза заражённого неизвестной болезнью магического существа кровоточат.

– Это стекло! – кричит Иван Нанайцу. – Они боятся стекла!

– Она из Зазеркалья! – сквозь стиснутые зубы отвечает сражающийся Нанаец. – Она сделана из стекла!

– Просто попробуй!

Оборотень начинает метаться из стороны в сторону. Он жалобно скулит, пытаясь закрыть от смеющихся осколков свои бегающие по роговице зрачки.

Иван слышит за собой всплеск океана из стекла. Вдалеке он видит, как дух медведя держит в пасти женщину в чёрном и, окуная свою морду в стекло, трясет ею из стороны в сторону. Являясь духом, призванным в наш мир Нанайцем, медведь может воздействовать лишь с немногими объектами в нашем мире. Стекло, естественно, в их счёт не входит.

Женщина в чёрном начинает пронзительно кричать. От её вопля сводит уши и непроизвольно искривляется лицо, но...

Стекло работает. Оно реагирует на призрака Зазеркалья ещё более явно чем на оборотня. Барахтаясь руками и ногами в этом океане, женщина, что обычно двигается со скоростью ветра, разбрасывает вокруг себя брызги-осколки и порождает целые волны.

В какой-то момент Иван замечает, что волны действительно на мгновения становятся жидкостью. Стекло вокруг королевы Зазеркалья начинает плавиться, превращая разноцветные осколки в раскалённую жидкость, площадь которой всё увеличиваясь в размерах, приближаясь к Ивану с ребёнком на руках.

Уже разворачиваясь и готовясь продолжить свой путь на сушу, Иван обнаруживает перед собой оборотня. Тот уже не воеет. Стекольные осколки, до этого не наносящие ему вреда, теперь ранят его тело, оставляя кровавые следы. Зрачки приобрели привычную форму и снова выглядят как обычные человеческие глаза. Даже его шкура потускнела, став по обыденному серой. Медленно положив огромные лапы на плечи опешившего Ивана, оборотень поднимает его над океаном, который своими раскалёнными волнами уже достигает его.

– Скажи ей, – устало говорит оборотень, – что, наверное, я любил её.

Он усмехается, отводя взгляд в сторону, и поправляет себя:

– Только «наверное» не говори.

С этими словами он отбрасывает Ивана вместе с ребёнком прочь из раскалённого океана переливающегося зелёными, коричневыми и прозрачными пятнами. Немного пригнувшись, волк, не спеша расправляется, высоко задирая морду, и воеет так, что заглушает даже крики Пиковой Дамы. Одним прыжком волк бросается в самый эпицентр событий, вгрызаясь сквозь раскалённое стекло в, казалось бы, бессмертное тело чёрного призрака.

Волны моментально поглощают всю площадку, так что не остается ни одного целого кусочка стекла, превращаясь в единый организм, начинают кружить вокруг волка, сжимающего в своей пасти умирающего призрака. Зелёные волны нахлестывают на прозрачные и, смешиваясь с коричневыми, плавят кожу оборотня, тут же испаряя её.

– Иван! Беги Иван! – кричит ему с моста Нанаец.

Пульсируя, волны движутся к эпицентру, и с каждой секундой на них появляется всё больше ряби, похожей на ту, какая бывает на воде во время дождя.

Иван, вынесенный на берег невиданной предсмертной щедростью, смотрит на свои окровавленные ноги. Ему даже кажется, что он видит собственную окровавленную кость. Уж больно она гладкая среди этого красного месива. Он уже никуда не пойдёт. Притягивая к себе спящего ребёнка, Иван накрывает его своим телом.

Когда он последний раз оглядывается, океан полностью формирует шар посреди цеха, сквозь рябющую поверхность которого ещё можно различить белые кости, оставшиеся от оборотня на фоне чёрного силуэта женщины в чёрном.

Нанаец отозвал свой дух, и сейчас медведь бережно ложится на женщину, остававшуюся всё это время на мосту. Он намерен защитить её, точно так же как Иван ребёнка – собственным телом.

За секунду до вспышки, озаряющей глаза, словно отбеливателем выжигающем всё на своем пути Иван, видит на лице Нанайца небольшую ухмылку – признак его душевного спокойствия.

Часть II Чувства

Глава 8

Старший лейтенант Рубченко Игорь Артёмович, вызванный посреди ночи на место происшествия, заглянув в непроглядную космическую тьму, располагающуюся посреди цеха переработки стекла, моментально протрезвел.

Холодный лунный свет, падая сквозь разбитые окна, рассеивался по всему цеху стекольного завода, раскрывая таящиеся в нём красные, жёлтые, зелёные и синие оттенки, даря некое неуловимое чувство теплоты и душевного спокойствия. Но насладиться этим чувством не представлялось возможным, так как объект, вырванный из другой реальности, приковывал к себе всё внимание. Скорее даже не приковывал, а поглощал.

Объект вполне можно было бы назвать миниатюрной чёрной дырой, за тем исключением, что данный объект в отличие от вышеупомянутой чёрной дыры не затягивал в себя ничего, кроме внимания старшего лейтенанта. Разноцветные лучи света, обрывающиеся на горизонте событий, вновь возникали из ниоткуда с другой стороны чёрной сферы, проходя сквозь неё. Словно этот объект вовсе никакой и не объект, а его отсутствие. Отсутствие чего либо вот конкретно в той точке, откуда не может оторваться Игорь Артёмович.

Эти несколько секунд, за которые чёрная сфера смотрела на старшего лейтенанта, Игорь Артёмович увидел всю свою жизнь. Прошлую и будущую. Увидел, как он бросит пить. Станет уделять больше внимания своей дочке и жене. Будет покупать теще цветы и говорить, какая у неё замечательная дочь. Он наконец перестанет брать взятки и займётся любимым с детства делом – созданием игрушечных моторных лодок. А погибнет он от ножевого ранения, в глупой попытке отстоять честь своего мундира.

Неизвестно, чем бы мог закончиться этот сеанс, если бы не раздражающее мычание где-то под ногами. Словно поддыхает больная дворяжка. Вдобавок ко всему она вцепилась в его штанину и назойливо тянет за неё.

Опустив затуманенный взгляд, старший лейтенант Игорь Артёмович на долю мгновения испугался и мог бы навсегда лишиться рассудка, если бы не сделал единственно возможное логичное заключение и не понял, что всё происходящее всего лишь дурной сон. А как ещё объяснить вцепившегося в его ногу мертвеца с голубыми человеческими глазами и блестящим серебряным ключом на шее? Всё его тело представляло собой обожжённые кровотокающие угли.

Поняв, что нужно просыпаться, старлей спокойно покинул цех стекольного завода оставляя за собой страдающий кусок сгоревшего мяса, и преспокойно отправился к себе домой, размышляя над тем, что может значить такой странный сон.

Как только он лёг в свою кровать, прямо так в одежде, ведь во сне в этом нет ничего необычного, его тут же разбудил телефонный звонок.

– Да! Да, Рубченко!

Голос в трубке неистово матерился.

– Какой вызов?! Ночью?

“Нет не получал”, – чуть не сорвалось с его языка, но тут же он вспомнил свой странный сон.

– Э-э-э... Разбираемся, товарищ майор... Ну как же не отреагировали...

Голос в трубке ставил конкретные вопросы. На них можно было ответить либо “нет” и заклеить себя ещё большим лентаем и пьяницей, либо “да” и признать, что этой ночью он действительно ездил на вызов и видел там пустоту и живого мертвеца.

Не зная, какой ответ, правильный старший лейтенант решил следовать давно выработанному алгоритму:

– Так точно... Незначительное происшествие... Не посмел вас беспокоить, товарищ майор... Обнаруженные материалы требуют дополнительного...

Голос в трубке сорвался на истеричный крик.

– Есть показаться доктору! Есть немедленно явиться на “там, где вчера был завод”!

Старлей положил трубку. Он заметил, что уже в форме. Рядом с кроватью лежало на две пустые бутылки больше, чем в обычный будний день, и на одну больше, чем в выходные. К чему это? Разве вчера был какой-то праздник? Погладив себя по тяжёлой голове, Игорь Артёмович сглотнул свой же перегар и отправился к некоему доктору, который, как сказал майор, сейчас заправлял всем “там, где вчера был завод”.

Сон быстро рассеялся в больной голове старшего лейтенанта, а вся недолгая дорога до завода была усеяна мыслями о том, сколько всё же вчера он выпил и сколько он ещё сможет так пить.

Добравшись до стекольного завода Игорь Артёмович, обнаружил удивительную картину. Завод стоял там, где и раньше. Вокруг завода было несколько десятков машин различных служб: скорая помощь, служба спасения, какие-то незнакомые чёрные грузовики с аббревиатурой О.П.Р. и даже военные инженеры! Последних было в избытке и они, неистово снуя вокруг территории завода, уже наполовину заковали основное здание в бетонный короб похожий на... саркофаг. В целом никаких других видимых следов какого-либо происшествия заметить не удалось.

– Артёмович?

Два здоровенных лба в форме подскакивают к нему и прежде чем он успевает ответить берут под локти и, приподняв его над землей, тащат в неизвестном направлении.

– Что? Куда?

– К Доктору!

Старлей крутит головой, пытаясь понять, кто из этих двоих ему ответил. Они что, близнецы? Ему показалось, что ответили сразу оба, одновременно и одним и тем же голосом.

Его тащат мимо знакомой девушки из их городка.

– Какого чёрта! Где мой ребёнок! Я его мать!

Он не помнит её имени. В особо жаркие летние дни он иногда заглядывал к ней в полдень на стаканчик пенного, но в целом предпочитал крепкие напитки.

– Вот он! – разом пробасили двое из ларца, выкинув вперёд расслабившегося в крепких руках старлея так, что он чуть не улетел носом в землю.

Доктор оказался типичным доктором. Халат, очки, морщины и седая голова, полная торчащих во все стороны волос. Отвлекаясь от своего пациента, скрывающегося под байковым одеялом из синих квадратов и белых полосок, Доктор развернулся и, кивая подошёл к старлею.

– Артём Игоревич? – спросил он, заглядывая в его глаза поверх своих очков в толстой оправе.

– Э-э-э... – замялся старлей, но тут же вспомнив громовой мат майора, выпрямился, отдавая честь. – Старший лейтенант Рубченко Игорь Артёмович.

– Ну да, ну да, – кивал Доктор, откровенно пялясь на него, – как хотите. Так и что насчёт вызова?

– Э-э-э... – мысли возникали в голове пьяницы и тут же умирали. – Какого вызова?

Отводя взгляд от Доктора, Игорь наткнулся на показавшиеся знакомыми голубые глаза человека, который скрывался под армейским одеялом и сейчас так же удивлённо изучал старшего лейтенанта.

– Того самого, – улыбнулся Доктор, ещё более приблизившись к старлею.

– Так это, не было никакого вызова! – нагло и уверенно ответил тот, глянув в сторону стекольного завода.

– В самом деле?! – резко отпрянув, удивился Доктор. – Ну тогда всё в порядке!

Улыбаясь во весь рот, Доктор схватил Игоря за руку и начал её активно трясти.

– А то я уже думал вам таблетки, уколы, санаторий и на раннюю повышенную пенсию, а там, глядишь, и медальку бы какую согласовали. А так если и не было никакого вызова, то и бюджет целее будет. Аха-ха-ха!

Заразительно рассмеялся Доктор, продолжая трясти руку старшего лейтенанта. Два огромных близнеца одновременно друг с другом, не пытаясь даже как следует притвориться, выдавали за спиной старлея чёткие размеренные смешки:

– Ха! Ха! Ха!

– Мы же не для себя, – неожиданно прервавшийся Доктор снова приблизился, неприлично близко заглядывая прямо в глаза. – Мы же о вас беспокоимся.

– А-а... Что собственно...

– На заводе-то? Да рвануло чего-то. Какой-то умник придумал там хранить радиоактивные отходы. Представляете? Точно посадят кого-то. Вот кто в здравом уме будет прятать отходы на заводе? – Доктор снова заулыбался во весь рот. – Вон же лес. Вон он, прямо за окном. Вези дела свои куда хочешь, закопай, как кошечка, и никто никогда не найдёт.

– Кошечка? – уточнил старлей, сопоставляя свой сон и историю о радиации.

– Ну кошечка там, собачка. Кто у нас в лесу ещё живёт? Мишка, может, – разводя руками и пожимая плечами, Доктор заглянул за спину старлею и обратился к близнецам военным: – Эй вы! Вы не знаете: медведь дерьмо закапывает?

– Не знаем! – одновременно ответили солдаты.

– Так что там? – снова неожиданно вернулся Доктор к старлею. – Уколы не надо? От радиации.

Сглотнув, Игорь ответил:

– Нет.

– Ну, как хочешь, – развёл руками Доктор. – Моё дело предложить, а если пациент отказывается, это уже не ко мне.

Застыв на несколько секунд, в которые Игорь думал о том, сколько нужно выпить водки, чтобы вышла вся радиация, он старательно избегал взгляда человека из-под армейского байкового одеяла. Взгляда, с которым он уже встречался. Сегодня ночью. В своём сне.

– Свободен, – ответил Доктор сухим голосом, в котором не осталось ничего, кроме усталости и злости.

Двое одинаковых с лица военных снова подхватили за локти старшего лейтенанта, уже поджавшего под себя ноги, и унесли его прочь.

– Чего отпустил? – спросил человек из-под одеяла.

– Да, нормально всё с ним будет.

Доктор вернулся в начальное положение рядом с человеком под одеялом и продолжил копаться в жёлтом чемодане.

– Он же был там.

– Ну и что, что был. Был и был. Да взял и забыл.

– Ничего он не забыл.

– Это он сейчас не забыл, а как водки припъёт как следует, так и забудет. Водка она ж ты знаешь какая: как будто лечит, а на самом деле калечит. Витаминки будешь? – спросил Доктор, вытащил из чемоданчика ампулу с раствором и звонко постучал по ней ногтём.

– А водки нет?

– Ха-ха, – саркастично выдал Доктор.

– Не помогут твои капли.

– Помогут, не помогут – а всё равно помогут, – сказал Доктор, игнорируя пожелания пациента и, достав из-под одеяла обугленную руку, начал тыкать в неё иглой, пытаясь найти вену.

Когда капельница была установлена двое мужчин несколько минут молча сидели, наблюдая, как двое военных поочерёдно искусно отражают вполне себе опасные удары разъярённой женщины.

– Эт кто вообще? – спросил Доктор, откусывая вафлю от непонятно откуда взявшегося стаканчика с фисташковым мороженым.

– Да человек она. Вроде как с оборотнем заражённым ошивалась. Мамашка того пацана.

– Который без сознания?

– Ага.

– Ладно. А Нанаец где?

– Нанаец всё. Я пацана закрыл, Нанаец – её.

– Поня-ятно. Вот это беда... – поник на секунду Доктор, но затем, резко откусив мороженое, снова бодро спросил: – Так а что случилось-то?

Глубоко выдохнув из-под одеяла, Иван напряжённо ответил:

– Кошмары.

– Один заражённый оборотень такого бы не натворил. Кто ещё?

– Оборотень... Пиковая Дама...

Доктор присвистнул, выражая удивление и восхищение.

– И как совладали с ней?

– В стекло сунули.

– Она же из Зазеркалья?

После долгого молчания Иван, скрывающийся под одеялом, вспылал:

– Да непонятно ни хера! Она вообще была того! Ничего не понимала...

– Ну она вроде такая и должна быть.

– Да не такая! Она вообще была не такая, а тоже заражённая! И оборотень этот! Всё им было нипочём! И глаза у него были странные! И вообще это вот эти люди её вызвали! На хера она им ночью на заводе?!

– Тихо, тихо, тихо. Не горячись. Тебе покой нужен. Витаминки.

Женщина, бьющаяся в конвульсиях от разряда электрошокера, наконец успокаивается и закрывает глаза.

– Короче, – собираясь с духом говорит Доктор, – не знаю, что там рвануло и почему, но это фигня оставила в нашем мире дыру. И хрен его знает, что за той дырой.

– Так и не видно ничего? Что там внутри?

– Я знаю, чего боюсь. Что этот дыра... шар... разлом... Он как замочная скважина в чулане: сколько в неё не смотри, что внутри не увидишь, а вот тебя из чулана прекрасно видно...

– Куда её? – одновременно спрашивают двое держащих женщину без сознания.

– В Печь, – отвечает Доктор, переводя взгляд на байковое одеяло. – Где она, кстати?

– Да я её там, ниже оставил... на дороге... Мы сюда пешком пришли.

– Да не держите вы её! Посадите вон на стул! Да за Печью дуйте! – выругался на военных Доктор и, нахмурившись, поинтересовался: – А что случилось-то? Нанаец тебя за руль пустил?

– Да, там... своё...

– Ох, Ваня, Ваня, – закачал головой Доктор и как школьный учитель начал размеренно отдавать указания: – Берешь её. Берешь пацана её контуженного. И дуете все вместе к Лешему. Пацана, конечно, по-хорошему надо Василисе передать, я-то рядом с ней никакой не Доктор, а так, только про витаминки да медвежье дерьмо шутить могу. Уж она-то если не разберётся, то пиши пропало, но сначала к Лешему. Сам понимаешь. Субординация. Да и он через заправку пацана быстрее к Василисе доставит.

– А что с пацаном?

– Спит. Не просто спит и не по волшебному...

– А как тогда?

– И так и так. И спит он, похоже, прямо через эту замочную скважину...

– Понятно, – угрюмо кивает Иван, ничего не понимая. – А она-то зачем? Девчонка.

Доктор молчит, оценивая ситуацию, но снова резко меняя настроение, взрывается дружескими издёвками:

– Вот ты интересный. Ты вроде из наших, а говоришь иногда, как будто всю жизнь дубиной по голове мутузили. Ты, может, боксер бывший?

– Ничего я не боксер!

– Может, ты тоже из Кошмаров? Ты небось и аями у Нанайца до последнего не замечал.

– Да чё я не замечал? Всё я замечал, – отвечает Иван, с трудом понимая, о чём говорит Доктор.

– Ну а раз замечал, тогда не задавай тупых вопросов, сказано – лезть в Печь и ехать к Лешему с этими бедолагами, значит, полезай в Печь и дуй к Лешему.

Глава 9

Бывают такие сны, в которых необузданные потусторонние силы открывают тебе сакральный смысл всего сущего и сразу становится ясна простая правда: отчего всё именно так. В какой-то момент ты даже можешь понять, что сейчас находишься во сне, но это никоим образом не искажает сути той правды, которая только что открылась затуманенному сознанию спящего. Она настолько проста и понятна, что кажется удивительным как никто раньше своим умом не дошел до этого.

К сожалению, незаменимым атрибутом таких снов является невозможность переноса этой самой правды в обыденный мир людей. Волшебная бестелесная истина, существующая лишь в мире идей, неминуемо растает или того хуже исказится, находясь под обыденной повседневностью и серостью мира людей.

Поэтому в первые секунды пробуждения от такого сна человек вокруг себя ничего не видит, не слышит и не понимает. Пытается осознать, где он и как тут очутился. Всё существо занято попытками удержаться за тающую дымку сновидения, но чем сильнее усилия, тем быстрее распадается эфирная конструкция в сознании пробудившегося, возвращая его воспоминания, его насущные потребности и его собственное “я”.

Когда Вероника открыла глаза, она смогла разглядеть за автомобильным окном, в которое упиралась лбом, лишь бегущий кусочек серого асфальта и постоянно мелькающие ели. Одно дерево сменяло другое, а его следующее. Все они были похожи друг на друга, как родные близнецы, и в какой-то момент ей показалось, что нет никакого множества деревьев, а лишь одно-единственное дерево, растянутое вдоль этой стороны дороги. И другой стороны дороги. И вообще любой другой дороги в этой стране, да и во всем мире.

Распрямляя затёкшую шею, моргая тяжёлыми веками и вытирая тыльной стороной ладони бегущий по краешку рта медок, Вероника пытается дать оценку сидящему рядом водителю старого, но роскошного, автомобиля.

Мужчина средних лет старше её, но старушкам у подъезда ещё можно обращаться к нему “молодой человек”. Его голова сначала показалась ей гладко выбритой, но продолжая беглый осмотр небольших следов на коже, какие бывают после ожогов, и, удостоверившись в отсутствии бровей, она предположила, что этот человек болеет какой-то редкой болезнью, отчего он напоминает только что выбравшегося из пожара.

– О! – произносит незнакомец, – проснулась...

“Я” с хлопком возвращается в сознание. За секунду в голове с острой болью разом появляются все недавние события, ещё мгновение назад казавшиеся сном. Она вспоминает нежного и мужественного оборотня, кровавую расправу в баре, ворону-директрису, Великий и Ужасный завод, слетевшего с катушек отца мальчика и с трудом, с которым птенец пробивается сквозь яичную скорлупу, она вспоминает самого мальчика. Своего мальчика.

– Алёша! – восклицает она и, сжимая кулаки начинает скалиться, вспоминая, как военные с надписями ОПР на одежде оцепили завод и не пускали её к ребенку. – Где мой...

Но стоит ей заметить на заднем сиденье мирно спящего под синим байковым одеялом ребёнка, как гнев сменяется тревогой.

– Алёша! – Вероника тут же хватается водителя за чёрный рукав пиджака. – Что с ним?

Тот лишь бросает беглый взгляд в зеркало заднего вида.

– Да спит вроде.

– Алёша! Алёша!

Она оборачивается к ребёнку и вытягивается. Пытаясь дотянуться до ребёнка, она машет второй рукой, пытаясь найти опору, и случайно задевает рычаг автоматической коробки передач, непонятно как оказавшейся в таком старом автомобиле.

– Тише ты. Ещё выпустишь её.

Дотянувшись до плеча ребёнка, Вероника сначала легонько трясёт его, но с каждым разом ей приходится прикладывать всё больше усилий для пробуждения ребёнка и, понимая, что никаких сил недостаточно, её тревога начинает возрастать.

– Алёша! Алёша! Что с ним? Он не просыпается! Алёша!

В панике она переключается на водителя и, вцепившись в его локоть, начинает трясти его, отчего автомобиль покачивает из стороны в сторону:

– Почему он не просыпается?! – И только теперь Вероника полностью разглядывает сидящего рядом с ней шофёра. Она понимает, что у него нет запаха.

Не то чтобы Вероника могла сказать, как должен пахнуть человек, но есть же что-то в каждом из нас, что делает нас живыми. Что-то благодаря чему мы смотрим друг на друга и понимаем, что перед нами другой человек, а не бездушная кукла или робот. А вот у этого водителя этого нет.

– Как ваше самочувствие?

– Что?

Он точно один из них. Оборотень предупреждал о них.

– Голова болит? Кружится?

– Нет.

Он говорил если встретит их, то нужно притворяться мёртвой или глупой. Глядишь, побрезгуют и не тронут.

– Про завод помните? Ну что случилось там.

– Не совсем.

– Ладно. Так, а вы что делали там? В такой час. Ещё и с ребёнком.

– Гуляли.

“Глупой, а не тупой!” – рычит на неё собственный внутренний голос.

– Точнее, мы гуляли с Алёшей в лесу, а потом его похитили.

– Похитили? – удивляется водитель. – Кто?

– Его... отец...

Водитель нахмурился.

– Всё сложно. Его отец уголовник и он не живёт с ним...

– А вы кем приходитеесь ребёнку?

– Я?

Воспоминания закрутились в ещё не до конца очнувшейся от сна голове.

– Он... Мой племянник. Я его опекун. Официальный. Назначенный судом. Мальчик тоже рад жить со мной.

На языке ещё вертится песок-ложь, а этот в чёрном костюме может его учуять. Оборотень предупреждал. На его лице не сдвинулся с места ни единый мускул, а стеклянные голубые глаза смотрят на дорогу перед собой. И хотя от него не исходит никакого запаха, сразу видно: он не поверил.

– А-а... То есть там на заводе... Это отец мальчика?

Вероника вспоминает безумные глаза и бессвязные речи.

– Да. Это был он.

– Был? Вы много-то помните из того, что произошло?

В памяти вспыхивают расплывающиеся порезы на шее отца мальчика.

– Нет.

– Тем лучше для вас. Скажите, вы колдовством никогда не увлекались?

– Что?

– Ну там всякие женские гадания, например, или духов, может, вызываете? Может, оборотней знаете?

Водитель смеётся как будто шутит, но Вероника знает: он не шутит. Она непроизвольно сглатывает, и в тот момент, когда её горло движется, она ловит пристальный недоверчивый взгляд водителя на своей шее.

– Что с Алёшей? Куда вы нас везёте?

Водитель глубоко вздохнул и распрямился.

– Я сказал: ребёнок спит. Едем мы к начальству. В чащу к Лешему. Он направит ребёнка в институт, где ему помогут проснуться и заодно решить, что делать с вами.

– Со мной?

Оборотень говорил, если поймёшь, что они тебе не верят, надо бежать. Бежать от них как можно дальше. Бежать пока не кончатся силы, а потом ещё столько же.

– Э-э... Определит, куда вас... – неуверенно заявляет человек за рулём. – Там же с радиацией были вопросы. Ну, на заводе. Может, вам витаминки какие-то надо или в санаторий...

Водитель снова смеётся. И она видит, что он видит, как она ему не верит. Воображение отчётливо рисует картину, как под видом заботы её запирают и обкалывают препаратами.

– Нас разлучат?

Водитель сделал вид, что не услышал вопроса. Опустив голову, Вероника скачет глазами из стороны в сторону.

– Мы можем остановиться?

– Мы почти приехали? Потерпите немного.

– Я хочу пересечь назад. Просто посидеть рядом.

Задумался. Мнёт челюсть.

– Не могу остановиться. Машина не моя, боюсь не поедет потом.

– Если нас разлучат, хочу побыть с ним немного.

Видно, что он обдумывает её просьбу, а значит, есть у него всё же сердце. Значит, не чужды и человеческие эмоции.

– Маршрут менять не стоит. А так почти приехали, эта дорога она такая, если свернёшь...

– Ну пожалуйста! Он мне как родной.

Она хватает его за рукав и старается сделаться похожей на грустного оленёнка. Он долго молчит, в очередной раз отгораживаясь от неё рукой и словно защищая коробку передач, с неохотой разрешает:

– Перелазь.

– Спаси...

– Молча! Пока не передумал.

Отстегнув ремень безопасности и не спуская глаз с водителя, который продолжает держать ладонь над рычагом автоматической коробки передач от возможных неловких движений со стороны Вероники, она начинает осторожно перебираться на заднее сиденье. Ещё на половине пути, до конца не понимая, что собирается сделать, она видит, что Алёша накрепко привязан к медицинским носилкам, не менее прочно закреплённым на задних сиденьях. Она оглядывается на водителя. Тот начинает её в чём-то подозревать.

Нет времени на раздумья! Нужно действовать!

Продолжая смотреть глаза в глаза водителю, Вероника начинает “случайно” соскальзывающей ногой отталкиваться от защищаемой водителем коробки передач. Коробку заклинило и даже несколько чётких ударов по рычагу, прошедших защиту в виде машущего рукой возмущающего водителя, не дают сдвинуть его с места.

– Ей! Что ты делаешь?

Их взгляды снова встречаются. Покрывшаяся потом Вероника слышит, как от неё пахнет страхом и неуверенностью. Прочитавший всё это в её глазах водитель начинает хмуриться и тянет к ней свою руку, а Вероника уже в открытую изо всех сил продолжает бить по рычагу. Его обгорелые облезлые пальцы уже почти касаются её лица, когда рычаг поддается и, за секунду

до резкого торможения, Вероника успевает перемахнуть на задние сиденья и упасть на пол, закрыв голову руками.

Под визг шин и рёв мотора Веронику вдавливают в пол. Когда автомобиль останавливается, она в первую очередь проверяет Алёшу – ребёнок спит, словно ничего и не произошло. Осторожно обернувшись, она видит, как водитель с разбитым о руль лбом обеими руками вцепился в рычаг коробки передач, застрявший в положении D. Навалившись всем своим весом, он пытается сдвинуть его в любое положение, но безуспешно.

Глаза водителя, которые заливают собственная кровь, встречаются с испуганными глазами Вероники.

– Что ты наделала?!

Позабыв о ней, он разворачивается на сто восемьдесят градусов и начинает дёргать за дверную ручку и толкать дверь плечом, пытаясь выбраться из автомобиля. Дверь остаётся на месте. Кнопки замка двери одновременно щёлкают и опускаются во всех дверях автомобиля. Водитель выхватывает свой пистолет и, нацелившись в стекло намеревается выстрелить, но внезапно отстегнувшийся ремень безопасности оборачивается вокруг его запястья и выкручивает его, вынуждая выбросить пистолет, скрывающийся под сиденьем. Ремень резко затягивается, блокируя движения левой руки.

– Да я тут при чём?! – кричит истекающей кровью водитель.

Ремни, бережно хранившие безопасность ребёнка, осторожно отстегиваются, замок перед Вероникой срабатывает и дверь распаивается сама собой, словно, призывая их покинуть автомобиль, пока водитель неистово вопит:

– Ты же знаешь меня!

Свободной рукой водитель отчаянно пытается повернуть заклинивший стояночный тормоз. Двигатель набирает обороты, а покрышки на разгоняющихся колёсах начинают дымить. Вероника хватается за ребёнка и, прижимая его к себе, вываливается из автомобиля. Дверь за ней захлопывается.

– Это Нанаец так решил! Я тут ни при чём!

Включившееся радио играет всё громче и громче, заглушая крики. Автомобиль срывается с места. Несмотря на попытки водителя, крутящего руль свободной рукой и пытающегося войти в поворот, машина вылетает с дороги и, как сошедший с рельсов поезд, снося всё на своем пути, скрывается за деревьями.

Проходит не больше минуты, как Вероника перестаёт слышать звук мотора.

Проходит не больше часа, когда она, уставшая, с ребёнком на руках, выбивается из последних сил. Она осторожно укладывает ребёнка на серый асфальт и ложится на спину рядом с ним, пытаясь отдышаться. За всё это время ни одной машины, ни одного звука, ни одной птички или дуновения ветерка. Только запах леса, земли и какого-то безнадёжного волшебства.

Повернув голову, она смотрит на мирно спящего ребёнка. Проводит рукой по его светлым волосам. Смотрит, как он дышит. Он спит так мирно, словно знает: всё будет хорошо.

Она закрывает глаза и, больше не сдерживаясь, начинает плакать. Как она могла забыть? Как можно забыть о своём ребёнке? Слёзы текут из глаз, а в горле стоит ком. Она растирает слёзы по лицу, но они текут, не останавливаясь. Она не знает, что делать.

Но вот она улавливает лёгкое движение воздуха. Как будто ветерок. Он приносит аромат: жареные сосиски и кофе.

Ещё не до конца вытерев глаза, она видит недалеко от себя красное пятно электрической вывески у дороги. Она вытирает глаза.

Да! Это заправка!

Вероника поднимается, хватается за Алёшу и подпитываемая надеждой на то, что всё будет хорошо, еле перебирая ногами, направляется к заправке. Главное, что теперь она вырвется из

этого леса пропитанного запахом безнадёжного волшебства и стройными рядами одинаковых деревьев.

Приблизившись к заправке у Вероники, отвисает челюсть и подкашиваются ноги. С ребёнком на руках она падает на колени перед заправочной станцией, у которой на вывеске красуется всего лишь три затёртые временем буквы: О.П.Р.

Глава 10

Под звук ритмично щёлкающего поворотника, побывавший в серьёзной аварии и непонятно как ещё движущийся автомобиль медленно проплыл на располагающуюся посреди непроглядного леса одинокую ретрофутуристичную заправку времен СССР в форме пирожка или летающей тарелки, на вывеске которой в лучах закатного солнца красовались три затёртые временем буквы:

О.

П.

Р.

Заклинившая передняя дверь отвалилась, как только Иван попытался её открыть. Вслед за ней на серый асфальт выпал сам Иван, побитый и покорёженный не менее автомобиля, он был ни жив ни мертв. С трудом поднявшись, на трясущихся ногах, весь в ссадинах и пятнах крови он уже побрёл к магазинчику заправочной станции, когда дымящийся автомобиль трижды взвыл ему в спину:

– Би-би би-и!

– Сама пошла! – резко развернувшись, гневно выпалил Иван в ответ.

– Би-би-и!

– Нет, ты!

– Би-би-и!

– Нет, ты! Ты тупая!

– Бип-би-и-и-и...

Яростно мигая фарами, клаксон ретроавтомобиля постепенно таял в вечерней тишине леса. Когда Иван прошёл в распахнувшиеся перед ним автоматические двери магазинчика заправки, на парковке лежала уже мёртвая груда железа.

За одним из двух ярко-красных столиков, облокотившись лбом на сложенные руки, дремала Вероника. Вдалеке на красном диванчике спал Алёша.

– Ядрёна вошь! – скрипучий как ветка на ветру голос резанул Ивана. – Чаво так долго, а-а?!

Смуглый худощавый высокий человечек преклонного возраста с густой седой бородой, зеленоватой местами как это бывает у стариков, облачённый в фирменные поло и кепку цветов заправочной станции, с логотипом ОПР, бросил все свои дела и обратил всё внимание вновь прибывшему посетителю.

– В порядке ли сам? – пискляво обеспокоился человечек.

– Да эта вон. Чуть не угробила. – Иван кивнул головой в сторону Вероники и, кривя лицо, уселся за свободный столик. – Печь освободила! А та и Нанайца-то не любила, а тут я! Вообще считай чужой. Пока всё объяснил чуть не помер.

– Во потеха-то была б, если б помер!

Иван серьёзно посмотрел на старичка и продолжил причитания.

– Да ладно я, а Печь-то, похоже, померла!

– Да не. Эта не такая. Эта ещё из тех. Василиса её вмиг оживит, – закивал человечек завернув за свой небольшой прилавок и устанавливая бумажные стаканчики в кофемашину. – Печь она-то, как и любая другая вещь, хозяина чувствует, а без хозяина и сама вещь уже другою становится.

Длинный кривой палец старичка завис над кнопкой включения кофемашины. Так и замерев, глядя в одну точку перед собой, он серьёзно пробормотал:

– Что произошло?

– Астролябия ни черта не работает! Вот что произошло!

Иван обиженно выбросил таинственный артефакт на стол.

– Оборотень оказался заражён! А она этого не показала! Вот эти вон, – Иван кивнул в сторону Вероники, – похоже, вызвали Пиковую Даму, а волк заразил и её, а Нанаец...

– Про Нанайца слышал... Это да-а... Потеря страшная. Для всех нас. Невосполнимая...

Иван скривился от этих слов, но старичок быстро вернул разговор в нужное русло.

– А потом-то что?

– Волк-то этот. Он на мгновение в себя пришёл. Как будто очнулся от наваждения. Если бы не он, я б не выбрался.

– Так я тебе и поверил, – скептически затрещал старичок, возобновляя движение пальца к кнопке включения кофемашины.

– Да правду говорю! У него даже глаза поменялись! Как будто он смог победить в себе этого Кошмара!

Палец старичка в фирменной форме ОПР снова завис в нескольких миллиметрах от кнопки включения кофемашины.

– И как же ему это удалось?

Иван нахмурился, уставившись на Веронику.

– Любовь, наверное.

Старичок выдал ни на что не похожий треск, который можно было с одинаковой вероятностью расценивать или как возглас удивления или как внезапную кратковременную икоту.

– А потом?

– А потом тишина.

– Тишина?

– Плотная. Беспросветная. Настоящая Чёрная Тишина. Не так, как будто умер, а так, словно никогда и не рождался.

Старичок тяжело выдохнул и включил кофемашину. Шустрый двигатель зашумел, зёрна затрещали, и пьянящий аромат свежемолотого кофе, добравшийся до чуткого носа, Вероники заставил её пробудиться. Увидев Ивана за соседним столиком, она затуманенным взглядом осмотрела его с ног до головы, явно вспоминая, кто он такой, и довольная его потрёпанным видом, улыбаясь до ушей, сонливо кивнула ему.

Смуглый кассир, кряхтя принёс им кофе, который они не заказывали. Вероника встала, держа руки в карманах и, словно впервые здесь оказавшись, оглядела магазинчик.

Несколько стройных прилавков магазина вместо обычных для заправочной станции очистителей стёкол, освежителей воздуха, питательных батончиков, жвачек и напитков были заполнены различным эзотерическим инвентарём: старые потрёпанные книжки, деревянные амулеты, камни с вырезанными на них рунами, колокольчики и карты, хрустальные шары, пирамидки и разноцветные камушки, какие-то корешки, сушёные листья и ягоды, и, к огромному удивлению Вероники, даже небольшой уголок с так горячо любимыми её матерью православными иконами и свечами.

– Эй, – окликнула она старичка, – а главный скоро придёт?

– Тьфу-ты ну-ты!

Человечек выругался и задумчиво уставился в пол. Иван, широко раскрыв глаза, начал трясти кулаком в воздухе и беззвучно материться, губами призывая Веронику немедленно извиниться.

– Измельчали мы. Всё главного нам подавай. Да чтоб поглавней, – старичок, пряча глаза, ткнул пальцем в потолок, – чтобы он услышал нас. Пожалел да смиловался. Беды все наши как рукой смахнул да от напастей укрыл. А вы, юная дама, не думали-то, что на земле нашей, может, от того-то так и худо, что все заместо себя на какого-то главного полагаются?

– А ну-ка, сядь! – прогремел Иван, стукнув кулаком по столу.

– Тише, Вань, – обиженно кивнул человечек в сторону выжившего не в одной аварии водителя, всё ещё пряча глаза. Веронике даже показалось, что так старичок скрывает слёзы. – Не хочет – пусть не садится. Пусть идёт своей дорогой. И кого уж она там на ней повстречает, оборотня или мёртвых бандитов – не наше с тобой дело...

Маленькие чёрные глазки сверлили Веронику. В них не было ни капли обиды, а дрожащий тон был скорее вызван попыткой сдержать смех и своё откровенно издевательское отношение к незваной, но всё же гостье. Она поняла, что он всё про неё знает. Про то, что произошло в том лесу. В том, в котором они с оборотнем схоронили конченных им бандитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.